

18+

Константин Петришин

**Под сенью
желтого
дракона**

том 1

Константин Петришин Под сенью жёлтого дракона. Том 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70050406

ISBN 9785006091955

Аннотация

За основу написания романа взяты события, связанные с пребыванием в Особом районе Китая легальной группы советских разведчиков – официальных представителей ТАСС и Коминтерна в период с мая 1942 по ноябрь 1945 годов. И о непростых отношениях, которые складывались у руководителя группы Владимира с Мао Цзэдуном и его окружением, в том числе и с его супругой Цзян Цин, начальником службы безопасности Особого района Кан Шэном. Книга является частью ранее опубликованной книги.

Содержание

Часть первая	5
Глава первая	5
Глава вторая	47
Глава третья	75
Глава четвёртая	100
Глава пятая	132
Глава шестая	160
Конец ознакомительного фрагмента.	166

Под сенью жёлтого дракона

Том 1

Константин
Дмитриевич Петришин

Редактор Елена Константиновна Петришина

Корректор Светлана Викторовна Мазникова

© Константин Дмитриевич Петришин, 2023

ISBN 978-5-0060-9195-5 (т. 1)

ISBN 978-5-0060-9191-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть первая

Глава первая

1

Владимиров мысленно перекрестился, когда, наконец, выдавший виды бомбардировщик ТБ-3 на котором они утром вылетели из Москвы, мягко приземлился на взлётно-посадочную полосу аэродрома Алма-Аты. Самолёт прокатил на стоянку и, надрывно взревев моторами, устало замер, окутанный со всех сторон жарким заревом.

...Накануне отлёта, восьмого мая Владимирова вызвали к Молотову. После получасовой беседы с министром иностранных дел он поехал в Исполком Коминтерна, где его уже ждал Димитров.

Задача перед группой Владимирова, в которую входили военный врач первого ранга Орлов, второй радист Риммар и находящиеся уже в Яньани переводчик Алеев, корреспондент ТАСС Южин и радист Долматов, стояла не простая. По возможности не допустить дальнейшего раскола между руководством КПК во главе с Мао Цзэдуном и Гоминьданом в условиях, когда японские войска, оккупировав Маньчжурию, начали наступательные действия в центральном Китае,

захватывая одну провинцию за другой.

Кроме этого Владимирову и его группе предстояло заниматься сбором информации о настроениях в руководстве КПК, состоянии четвёртой и восьмой армии КПК, и военно-экономической обстановки вокруг Особого района.

Проходя мимо Владимирова, второй пилот самолёта на ходу обронил:

– Стоять будем недолго, но подышать свежим воздухом не возбраняется.

Орлов и Риммар не захотели выходить из самолёта на жару, а Владимиров спустился по трапу на землю и укрылся от солнца под крылом самолёта. Он нимало удивился, когда его окликнули по имени и отчеству.

Владимиров обернулся и увидел прямо перед собой загорелого незнакомца. Он был среднего роста, коренастый, с добродушной улыбкой на скуластом лице.

– Пётр Парфёнович, вам обо мне говорили в Москве. Я Сорокин.

– Да, да, – ответил Владимиров. – Говорили...

– Вот и хорошо, – продолжил тот. – Давайте отойдём в сторонку. – Когда они отошли от трапа на несколько шагов, Сорокин заговорил снова. – Мне поручено передать вам пакет, – с этими словами он извлёк из грудного кармана конверт и подал его Владимирову. – Здесь новые коды и шифры. И ещё, возможно, на вас будет выходить наш агент в Японии. Его позывной «Кедр». Всё, что он будет передавать, необ-

ходимо немедленно отправлять в центр. А сейчас вам надо пройти в здание аэропорта. Там, в кабинете начальника аэропорта вас ждёт ваша супруга и дети...

Владимирову показалось, что он ослышался. Осенью сорок первого, когда немцы уже подходили к Москве, его жена Мария с детьми и другими семьями работников Министерства иностранных дел были эвакуированы в Ленинск-Кузнецк. И с тех пор они не виделись.

– Моя жена с ребятами здесь? – растерянно переспросил Владимиров, не до конца осознавая услышанное.

– Да, Пётр Парфёнович, – чуть заметно улыбнулся Сорокин. – Поторопись...

Когда Владимиров, с трудом сдерживая волнение, вошёл в кабинет начальника аэропорта, Мария бросилась ему на встречу, уткнулась лицом в грудь. И вдруг зарыдала, перепугав стоящих тут же ребят.

Наконец успокоилась и кое-как сквозь слёзы произнесла:

– А мы видели в окно, как ты шёл сюда... Ты совсем не изменился... Разве что под глазами появились морщинки. А ребята наши подросли. Степан уже до плеча достаёт... Скоро и Андрюшка достанет...

Владимиров присел на корточки и обнял ребят.

– Ну, вы как? Маму не обижаете?

– Нет, – ответил Степан, – она у нас хорошая...

– А ты? – обратился Владимиров к Андрею. – Ты не обижаешь?

– Нет, – буркнул тот и опустил голову.

Владимир всё понял.

– Так, – сказал он, – придётся спросить у мамы.

– Не обижает, – ответила Мария, – разве что иногда не слушаются оба... Ты то надолго? – спросила она с такой тоской и болью в голосе, что у Владимировна на мгновение даже перехватило дыхание.

– Не знаю... – ответил он. – Ты же у меня умница... Всё понимаешь...

Он произнёс эти слова и сам себя мысленно обругал за них. Но что он мог ответить? Сказать то, чего и сам не знает, значит обмануть Марию, которую он любил по-прежнему так, как в первый день, когда они познакомились в Краснодаре, где Мария училась на рабфаковских курсах, и он влюбился в неё с первого взгляда.

Мария в ответ грустно улыбнулась.

– Я уже начинаю привыкать, – тихо проговорила она. Привлекла к себе ребят и продолжила. – Вот только они постоянно спрашивает у меня: «А папа скоро приедет?»

В это время в дверь постучали, и в кабинет вошёл Сорокин.

– Я прошу прощения, – сказал он. – Пётр Парфёнович до вылета осталось пять минут...

И вышел.

Лицо Марии вдруг покрыла бледность. Она растерянно посмотрела на Владимировна, затем на ребят и снова на Вла-

димирова, и еле слышно обронила:

– Иди...

– Я не спросил, как вы там? – проговорил Владимиров.

– Как и все... Терпимо, – ответила Мария. – Иди... – повторила она. – А мы будем смотреть в окно...

Когда Владимиров оказался за дверью, Сорокин сказал:

– Я вас провожу до самолёта, Пётр Парфёнович. – И продолжил. – На месте обратите внимание на одну личность. Это Кан Шэн. Он ближайший помощник Мао Цзэдуна и самый могущественный человек Особого района. Родом из Циндао. Выходец из помещиков. Там же окончил среднюю школу. В 1920 году стал студентом университета. Затем был учителем сельской школы в уезде Чучэн. В 1923 году снова учился, но уже в Шанхайском университете и одновременно посещал курсы по подготовке партийных кадров при ЦК КПК...

– Будучи беспартийным? – уточнил Владимиров.

– Да. Но уже через год он вступил в КПК и ещё через два года был избран секретарём одной из районных парт-организаций Шанхая. В двадцать седьмом году возглавил в Шанхае вооружённое восстание рабочих. Восстание было подавлено, однако на судьбу Кан Шэна это не повлияло. Наоборот его авторитет в КПК только вырос. Через год Кан Шэн стал заведующим отдела Цзянсунского комитета партии и членом ревкомиссии при ЦК КПК...

Сорокин достал на ходу из пачки папироску, но прикури-

вать не стал, понюхал её и положил в пачку.

– Отвыкаю, – объяснил он и продолжил: – С 1931 года Кан Шэн – заведующий отделом ЦК КПК и уже в следующем году его вводят в состав ЦК и политбюро. Что ещё вам нужно знать о нём... Да! В 1935 году он был делегатом седьмого конгресса Коминтерна. В настоящее время – начальник службы безопасности Особого отдела. Под его непосредственным контролем находятся разведка, контрразведка, юстиция, суд, прокуратура. В конце 1941 года Кан Шэн умудрился подчинить себе и некоторые функции Генерального штаба, во главе которого стоит Е Цзяньин. Личность довольно интересная. Кстати, Кан Шэн возглавляет и комиссию по проверке кадров. Члены этой комиссии являются Гао Ган, Пэн Чжэнь и Чэнь Юнь – люди Кана Шэна. На это тоже обратите внимание, – посоветовал Сорокин.

– И когда они уже были у трапа самолёта, добавил:

– Я не знаю, для вас это будет важным или нет, однако я должен вам сообщить: первая жена товарища Мао – Ян Кайхуэй в 1930 году была казнена гоминдановцами. Нынешняя его супруга – Цзян Цин была представлена Мао, знаете кем?

– Кан Шэном, – не задумываясь, ответил Владимир.

– Совершенно верно, Пётр Парфёнович, – улыбнувшись, сказал Сорокин. – И по нашим сведениям, она очень дружна с ним. Но об этом вы поговорите с Алеевым. Он всё знает. И ещё, Пётр Парфёнович, вокруг Особого района и его провинций Шаньси, Ганьсу и Нинся сложилась непростая обста-

новка. С Северо-Западного район блокирован войсками генералов братьев Ма, которые никому не подчиняются, но ведут активную торговлю с японцами. На границе провинции Шаньси стоят войска маршала Янь Сишаня. Формально он подчинён центральному правительству в Чунцине, а на деле ведёт себя, как и братья Ма. Как видите, вам придётся работать не в простых условиях.

Сорокин остановился и подал Владимирову руку.

– Ну, всё, Пётр Парфёнович, счастливо вам долететь до Яньиня. О семье не беспокойтесь. Мы постараемся, чтобы у них всё было хорошо. Ещё вот что! – вдруг вспомнил Сорокин. – В одном из донесений Южин сообщил, что за Мао Цзэдуном, в бытность его командиром одного из отрядов КПК, закрепилось прозвище Жёлтый Дракон. Теперь, пожалуй, всё.

Сорокин слегка приобнял Владимирову за плечи. Повернулся и, не оглядываясь, направился к зданию аэропорта.

...Когда самолёт тяжело взлетел и взял курс на северо-восток, из кабины вышел командир экипажа и сообщил:

– Если всё будет благополучно, долетим до Яньаня с ночёвками в Кульдисе, Урумчи, Хали и Ланьчжоу. – И добавил: – От Ланьчжоу до Яньаня 600 километров. Лететь будем вдоль Великой Китайской стены. Это для нас главный ориентир. Иначе можно залететь на территорию, где хозяйничают японские истребители. Затем полетим вдоль одного из притоков реки Хуанхэ. А там уже до Яньаня недалеко. Так

что мужики, крепитесь! – напоследок добавил он и скрылся за дверью кабины.

На что Орлов насмешливо заметил:

– Успокоил...

– Андрей Яковлевич, а чего нам волноваться? – в тон ему отозвался Риммар. – Долетим, если не перехватят японские истребители!

Владимиров укоризненно качнул головой.

– Коля, ну и юмор у тебя! Прекрати...

– Есть прекратить, – ответил Риммар, и всё же не стерпел. – Без юмора нам среди китайцев придётся тяжело. Знаю я их, Пётр Парфёнович. Кто-то сказал, что вы за малым не стали лёгчиком истребителем. Передумали или как? – вдруг спросил он.

– Или как, Коля, – ответил тот. И пояснил: – По состоянию здоровья не допустили летать...

Риммар понимающе кивнул головой.

На этом разговор был окончен. Самолёт вдруг стала сильно трясти – он вошёл в плотную облачность, и даже казалось, что надрывный гул моторов стал тише. Потом тряска прошла, и старый ТБ-3 снова оказался в чистом и бескрайнем небе.

Как и говорил командир экипажа полёт проходил в непростых условиях. После взлёта с аэродрома в Урумчи самолёт дважды снижался почти до самой земли. На вопрос Владимира к торопливо проходившему мимо них стрелку-ради-

сту: «Что случилось?», тот ответил:

– Ничего страшного... На всякий случай...

Уже после приземления в Хали узнали, что на горизонте были замечены какие-то самолёты, и командир экипажа принял решение, на всякий случай, спуститься до предельной высоты. В Хали самолёт задержали до полудня. Что-то случилось с одним из моторов. Вылетели уже во второй половине дня. До Ланьчжоу было два часа лётного времени. Здесь предстояла ночёвка, дозаправка самолёта и вылет на следующий день, в Яньвань.

2

Уже где-то на середине пути до Яньаня из кабины вышел второй пилот и предупредил:

– Ребята, мы в зоне возможного появления японских истребителей. Сейчас пойдём на снижение. Не волнуйтесь.

И действительно, бомбардировщик сбросил обороты двигателей и стал резко снижаться. Владимирову даже показалось, что двигателя совсем не работают, а только вращаются лопасти винтов. Было похоже, что самолёт не летит, а крадётся над самыми вершинами горных хребтов.

Владимиров не выдержал и направился в кабину самолёта, чтобы узнать, сколько ещё так лететь. И перед ним открылась удивительная панорама: чистое -пречистое голубое небо до самого горизонта, горы, до которых было не боль-

ше сотни метров, бегущая навстречу самолёта долина, покрытая изумрудной зеленью и прижатая к горным отрогам взлётно-посадочная полоса аэродрома.

Бомбардировщик пошёл на снижение, коснулся колёсами грунтовой полосы, поднимая за собой тучу лёссовой пыли. Прокатил ещё сотню метров и остановился напротив приземистого здания местного аэропорта.

Когда экипаж самолёта, а следом за ним Владимиров, Орлов и Риммар спустились по трапу на землю, из здания аэропорта появилась довольно большая группа китайцев. Впереди шёл Мао Цзэдун. Его Владимиров узнал сразу. За ним все остальные.

По всей видимости, Мао Цзэдун был хорошо осведомлён обо всех, кто прилетел. Он сразу подошёл к Владимирову со словами:

– Товарищ Владимиров, я от всей души приветствую вас. – Затем повернулся к Орлову и Риммару. – Приветствую и вас, друзья. Вы, – обратился он к Орлову, – будете, насколько я знаю, работать в нашем центральном госпитале. А вы, – Мао Цзэдун внимательно посмотрел на Риммара, – радист. Давайте пройдем в здание аэропорта. Здесь жарковато. Там и поговорим.

Владимиров не мог не обратить внимание на то, как был одет Мао Цзэдун: на нём – тёмного цвета куртка и такие же брюки. На ногах – верёвочные тапочки. Но больше всего Владимирова поразили заплатки на куртке и брюках Мао Цз-

эдуна.

Уже в здании аэропорта, который представлял собой один большой, и не уютный зал с деревянными скамейками вдоль стен, Мао Цзэдун коротко представил прибывших с ним китайских товарищей. Затем, обращаясь к Владимирову, сказал:

– ... Я смогу принять вас в ближайшее время. Возможно завтра... Всего вам доброго. Да! За свой груз не волнуйтесь. Сегодня же всё будет у вас.

И направился к выходу из здания, где его ждал старенький автомобиль, похожий на санитарную машину непонятно какой марки.

За Мао тут же двинулась его охрана – шесть маузеристов, накаченных здоровых парней. Каким-то чудом все они поместились в автомобиле.

Владимирова удивила и осведомлённость Мао Цзэдуна о их грузе. Это были бочки с бензином и контейнеры с новым оборудованием для радиоузла.

Когда машина с Мао Цзэдуном отъехала, к Владимирову подошли двое, одетые, как и китайцы, но явно не китайцы.

Их Владимиров заметил ещё раньше в толпе встречающих у самолёта.

– Алеев, – представился один из них. И добавил: – Борис Васильевич.

– Долматов Леонид Васильевич, – представился другой. Усмехнулся и добавил: – Правда китайцы называют меня по-

чему-то Ли Вэнем. С приездом вас, Пётр Парфёнович.

Владимиров крепко пожал им руки и представил Орлова с Риммаром. И тут же поинтересовался:

– А где Южин?

– Дежурит у приёмника вместо меня, – ответил Долматов. – Да и приболел он немного. Простудился. – И пояснил: – Повезло вам. Тут на днях такая буря была – думали всех засыплет. Ну что, поехали?

Когда они вышли из аэропорта Владимиров заметил в тени под стеной здания пять низкорослых лошадок под седлом.

– Это наша кавалерия, – пояснил Алеев. – Другого транспорта здесь нет. Кроме своих двоих, – добавил он.

Дорога к дому, в котором жили Алеев, Южин и Долматов, и предстояло теперь жить Владимирову, Орлову и Риммару, заняла около часа езды.

Алеев оказался более словоохотливым, чем Долматов. От него Владимиров узнал о последних событиях, происходящих в Яньани и о настроениях в китайском руководстве.

– ...У всех у них одно на уме, – сказал он, когда уже стали подъезжать к дому. – Мы должны помогать им, а то, что наши ребята бьются в китайском небе с японскими истребителями и бомбардировщиками – это не в счёт!..

Невзрачный снаружи приземистый дом внутри оказался просторным и уютным, с камином, выложенном из серого камня. Удивляла чистота и порядок, и почти празднично на-

крытый стол. Из комнаты, отведённой под радиоузел, вышел Южин и представился:

– Игорь Васильевич...

– Одни Васильевичи собрались, – пошутил Владимиров. – Надо же... А я Пётр Парфёнович. А это Андрей Яковлевич, – представил он Орлова. – И Риммар Николай Николаевич. – И кивнул в сторону стола: – живёте хорошо...

Южин в ответ усмехнулся.

– Неделю собирали... Тут особенно не разгонишься. Кое-что достали через китайских товарищей... Ну что... Просим к столу, – пригласил он.

Пока рассаживались, Владимиров попросил Долматова и Риммара сразу после доставки груза приступить к монтажу новой радиоаппаратуры. Затем обратился к Орлову: – Андрей Яковлевич, о доставке медоборудования и лекарств в госпитале мы с тобой займёмся завтра. Надо кое-что из лекарств оставить себе... На всякий случай.

Тем временем Алеев разлил по чашкам, похожим на глубокие блюдца с высокими краями, разбавленный спирт.

– За прибытие, – сказал он.

Когда выпили и закусили, Владимиров нарочито торжественным голосом объявил, обращаясь к Алееву, Южину и Долматову:

– А мы привезли вам подарки! Письма от родных и друзей!.. Целая сумка!..

Он не ожидал, что его слова вызовут бурю радости.

Алеев, Южин и Долматов по вскакивали со своих мест и бросились к сумке, на которую указал Владимиров. Достали три пачки писем, заранее приготовленные отдельно для каждого и разошлись по своим комнатам.

Риммар укоризненно глянул на Владимирова.

– Ну вот... – проговорил он. – А так всё хорошо начиналось...

– Ничего, Коля, – успокоил его Орлов, – это для них важнее всего на свете.

В доме было душновато, и Владимиров вышел во двор с отдельно стоящей кухней, и тоже сложенной из серого камня.

С крыльца дома хорошо просматривался и весь город: его старая часть, наполовину разрушенная налётами японских бомбардировщиков летом сорок первого года, и новая часть города за крепостной стеной с ровными улицами из однообразных домов и совсем без зелёных насаждений.

Владимирова ещё в Москве рассказали, что Мао Цзэдун и всё руководство КПК живут не в Яньани, а в пещерах за городом, специально выдолбленных в горах. Здесь размещался и Центральный госпиталь, где предстояло работать Орлову.

Когда Владимиров вернулся в дом, Алеев, Южин и Долматов уже перечитали свои письма и горячо обсуждали события на советско-германском фронте.

– А как здесь относятся к тому, что происходит у нас? – поинтересовался Владимиров.

– По-разному, Пётр Парфёнович, – ответил Южин. – Когда у нас всё хорошо, к примеру, после разгрома немцев под Москвой, нас тут чуть ли не на руках носили, а когда случалась неудача на юге, перестали даже замечать...

Южина поддержал Алеев.

– Игорь Васильевич прав, – сказал он. Особенно это чувствуется со стороны Кан Шэна и его людей. Есть и настоящие друзья: члены ЦК Ван Мин, Бо Гу главный редактор газеты «Цзефан Жибао». Ну и другие, но они боятся открыто проявлять к нам дружеские отношения.

Владимиров слегка помрачнел.

– Да-а-а... – проговорил он. – Это не хорошо... – немного подумал и продолжил. – А что известно о Мао, кроме того, что опубликовано в его биографии?

– Нам с Борисом Васильевичем удалось кое-что узнать, – ответил Южин. – Когда в 1927 году в Китае была установлена диктатура Гоминьдана, в ряде провинций вспыхнули крестьянские восстания. Мао возглавил один из отрядов и засел в горах Цзинганшань. Через некоторое время к нему присоединился ещё один отряд во главе с Чжу Дэ. Отряды росли и вскоре получили название корпуса Красной Армии. Командиром стал Чжу Дэ, а Мао – комиссаром. А дальше – сплошные непонятки. В начале января 1929 года корпус занял город Жуйцзинь, который стал Центральной базой для корпуса. Однако командование корпуса принимает решение идти походом на север Китая с целью объединения с другими

повстанческими отрядами. Поход длился шесть лет. Известно, что в конце 1935 года корпус Чжу Дэ, состоящий до этого из 200 тысяч человек, вошёл в Яньань всего с двадцатью пятью тысячами бойцов. Город в это время занимали войска маршала Чжан Сюэляна, которые бежали из города при приближении корпуса Чжу Дэ. После занятия Яньаня между Чжу Дэ и Мао отношение резко ухудшились. Мао попытался обвинить Чжу Дэ во всех неудачах в походе, а их, по всей видимости, хватало, если судить по количеству войск, дошедших до Яньаня. Вот пока всё. Да! И ещё, Пётр Парфёнович, нам разрешено всю информацию о событиях, как в Особом районе, так и за его пределами получать только от Кан Шэна.

Владимиров усмехнулся. Было ясно, – Кан Шэн держит под своим контролем и их корреспондентский пункт. Так он назывался по договору с руководством КПК.

3

На следующий день неожиданно для всех на пороге дома появился Кан Шэн в сопровождении своего секретаря Сяо Ли, которого Кан Шэн тут же представил Владимирову.

Владимиров пригласил гостей к столу, но Кан Шэн вежливо отказался, что вызвало явное разочарование у Сяо Ли. Это было видно по его лицу.

– ... Я к вам по делу, – продолжил Кан Шэн. – К тому же у меня мало времени...

Говоря это, Кан Шэн всё время пытался удерживать на худощавом лице дружескую улыбку, но она скорее походила на вымученную гримасу.

– А может всё-таки присядете, – попытался уговорить гостей Владимир.

– Нет, нет! – снова возразил Кан Шэн. – Председатель партии товарищ Мао Цзэдун поручил мне пригласить вас к десяти часам вечера... Ну как вам сказать... – Кан Шэн на мгновение замялся, подбирая нужные слова. Наконец, нашёл их. – На вечеринку! И ещё. Товарищ Мао Цзэдун будет рад услышать от вас о положении дел на ваших фронтах. Так сказать, из первых уст.

Сказав это, Кан Шэн снова улыбнулся, затем торопливо попрощался и направился к выходу. Сяо Ли с тяжёлым вздохом последовал за ним.

– ...До вечера оставалось ещё много времени, и Владимир решил осмотреть «своё хозяйство» как мысленно он окрестил корпункт, и прилежащие к нему строения: кухню, конюшню, склад горючего и каменный сарай на склоне горы, где хранилась запасное оборудование для радиостанции и топливо.

По крутому подъёму Владимир поднялся на вершину горы. Здесь стояла антенна. Обошёл вокруг и остановился у самого обрыва. Отсюда открывался вид на весь город и долину, которую пересекала река. А за рекой, ближе к горам, просматривалась Лёссовое плато, покрытое редкой

растительностью, которая островками подбиралась к подножию гор.

Постояв несколько минут на вершине горы, Владимиров не без труда спустился вниз. И вовремя. Вернулся Орлов. Он ездил в госпиталь представляться своему начальству и обговорить условия своей работы. Почти одновременно приехали Алеев и Южин. Они встречались с Бо Гу в редакции газеты «Цзефан Жибао». Владимиров попросил их поговорить с Бо Гу и узнать, если получится, от него, о состоянии отношения между руководством КПК и Гоминьданом. У СССР были установлены дипломатические отношения и подписан договор, по которому СССР оказывал военную и экономическую помощь, а также направлял в Чунцин военных советников, только с правительством Чан Кайши.

Раскалённое солнце уже клонилось к закату, когда в доме появился Сяо Ли. На этот раз с ним было четверо китайцев: двое пожилых и двое молодых ребят крепкого телосложения.

– А я снова к вам! – заявил Сяо Ли и указал на стоящих за его спиной китайцев. – Вот этот, – Сяо Ли взял за рукав и вывел вперёд одного из пожилых китайцев, – будет у вас завхозом. Оно у вас прибавилось. – И тут же торопливо добавил, словно опасался возражения Владимирова. – Зовут его Чан. А вот этот, – Сяо Ли указал на другого пожилого китайца, – ваш повар. А вот эти молодые ребята будут охранять ваш дом. Город у нас беспокойный, да и народа разного понаехало сюда в последнее время много...

Владимиров всё понял: Кан Шэн решил установить контроль за каждым их шагом.

– А кто будет им платить за работу? – поинтересовался он. Сяо Ли небрежно махнул рукой.

– За это не беспокойтесь...

– Понятно, – Владимир оглянулся на стоящих за спиной Алеева, Южина и Орлова. – Знакомьтесь и принимайте пополнение, – Затем обернулся к Сяо Ли. – Передайте товарищу Кан Шэну нашу благодарность за заботу о нас. Но имейте в виду, если повар будет готовить плохо, а завхоз не будет справляться со своими обязанностями, я буду вынужден отстранить их от работы.

Сяо Ли не стал возражать. Попрошался и ушёл.

...К десяти часам вечера, уже в кромешной темноте, освещающая себе дорогу фонариками, Владимир, Алеев, Южин и Орлов пешком по узкой тропе, идущей вдоль ущелья, в сопровождении двух маузеристов, подошли к дому-пещере Мао Цзэдуна, она была расположена в самом центре пещерного городка, получившего название Яньцзямин. Здесь жило почти всё руководство Особого района.

Мао Цзэдун был не один. У него собралось чуть ли не всё политбюро.

Завидев вошедших, Мао неторопливо пошёл им навстречу, говоря на ходу:

– Я рад вас приветствовать у себя дома. Как освоились? – и, не дожидаясь ответа, продолжил. – Знакомить вас со все-

ми я не буду. Познакомитесь потом. Но скажу: здесь все мои помощники и верные друзья. А вот свою супругу я вам представлю. – Мао обернулся к стоящей за его спиной красивой женщине. – Подойди к нам, – сказал он ей. Когда она подошла, продолжил: – это Цзян Цин.

Владимиров сразу отметил про себя: у Цзян Цин были умные и слегка настороженные карие глаза, черты лица правильные, и вся она, словно, только что сошла со старинной китайской картины. Рядом с Мао, располневшим и одетым во всё то же, в чём он встречал их в аэропорту, Цзян Цин выглядела неестественно и великолепно.

Владимиров обратил невольно внимание и на обстановку в помещении: кирпичные полы были устланы яркими коврами, а стены обшиты доской. В углу стоял длинный стол, покрытый зелёным сукном и много жёстких стульев. Стол явно предназначался для заседаний. А посередине помещения красовался ещё один стол – круглый и большой. За ним могло уместиться приличная компания. Посередине стола целая горка тарелок и блюд с закусками из овощей и мяса, и бутылки с китайской водкой.

Тем временем Цзян Цин, на правах хозяйки, предложила всем пройти к столу.

Мао Цзэдун попросил Владимирову сесть с ним рядом. По другую сторону – сел Кан Шэн.

Пока рассаживались остальные, Мао Цзэдун заговорил тихо, но его слышали все.

– Мы знаем: правительство Великобритании предупредило немцев об ответном применении химического оружия против Германии, если Гитлер будет использовать своё химическое оружие на Восточном фронте. Черчилль прав. Это бы развязало руки Японии. И в тоже время нам не совсем понятно, с какой целью в вашей газете «Правда» опубликовано явно провокационная статья автора... – Мао Цзэдун, видимо, забыл фамилию автора статьи. И он выжидающе посмотрел на Кан Шэна.

– Заславского... – торопливо подсказал тот.

– Да, да! Заславского, – повторила Мао Цзэдун, – о петэновских методах правления США на Филиппинах. Далась ему эти Филиппины!.. Зачем вам лишние враги? Не из-за этой ли статьи Молотов намерен лететь в Лондон, а затем в Вашингтон?

И Владимиров почувствовал на себе пристальный изучающий взгляд Мао Цзэдуна. Он вдруг понял: это разведка боем.

– Я боюсь вас разочаровать, товарищ Мао Цзэдун, но я не могу ответить на ваш вопрос, – сказал Владимиров. – Отсюда не видно, что делается в Москве.

Последние слова Владимирова явно не понравились Кан Шэну. Это было видно по его лицу, однако сам Мао Цзэдун отнёсся к ним спокойно и даже равнодушно.

Снисходительно усмехнулся и обронил:

– Вы меня не разочаруете. Я не женщина. – И тут же снова

спросил: – Как вы полагаете, после всех неудач на юге Красная Армия выстоит?

Мао был явно хорошо осведомлён о событиях на советско-германском фронте. И доказательством был его вопрос.

– Выстоит, – ответил Владимирова. – И не просто выстоит, но и заставит врага бежать восвояси! Такое уже случилось не раз в нашей истории.

Мао Цзэдун остался доволен ответом.

– Мы очень надеемся на это, – проговорил он. – И чтобы не говорили о нас, КПК всегда будет проводить политику, в основе которой – борьба за единство антияпонского фронта. У всех есть свои проблемы. У кого их больше, у кого меньше. Вот почему и дружба, и понимание, и общение были бы невозможны, если бы не существовало между нами взаимного доверия. Так и передайте в Москву своим товарищам, – При этих словах Мао достал из бокового кармана довольно помятую пачку американских сигарет «Честерфилд» извлёк одну и неторопливо прикурил от услужливо поданной Кан Шэном свечи. Затянулся дымом и в полной тишине, вдруг воцарившаяся за столом, продолжил. – Главное для нас в настоящее время – добиться поддержки широких народных масс, населения Китая, и особенно проживающего в сельской местности. Эти люди могут представлять основную силу в решении задач, стоящих перед нами, – и обратился ко всем сидящим за столом: – Я прошу вас всеми силами содействовать нашим советским товарищам в их ра-

боте, необходимой как для нас, так и для их страны, во главе которой стоит наш верный друг товарищ Сталин. Больше я не стану утомлять вас своими разговорами. Давайте поужинаем.

Кан Шэн тут же наполнил Мао Цзэдуна высокую гранёную рюмку водкой, затем налил Владимирову и уже потом себе.

За столом сразу стало шумно. Сначала шли тосты, потом пили без тостов. Уже где-то на середине застолья по просьбе Мао Цзэдуна Кан Шэн сходил на кухню и принёс бутылку голландского джина.

Остальные продолжали пить «Ханжу».

Владимиров старался пить поменьше и с тревогой поглядывал в сторону Орлова, Южина и Алеева. Однако те держались хорошо. «Молодцы ребята, – подумал он. – Есть закуска!...»

Цзян Цин за столом не было. Она появилась уже к концу застолья, завела патефон, и помещение сразу наполнилось завораживающей мелодией старинной китайской оперы.

Мао Цзэдун некоторое время сидел неподвижно, вслушиваясь в мелодичные звуки. Потом грузно поднялся и прошёл в дальний угол, где стояло несколько кресел, обтянутых чёрной кожей. Опустился в одно из них и прикрыл глаза.

Казалось, его уже ничего не интересовало. Но когда Владимиров, Орлов, Южин и Алеев намеревались тихо уйти, по-английски, Мао Цзэдун поднялся из кресла и направился к ним.

– Я вас провожу, – сказал он совсем трезвым голосом. И, придерживая в своей руке ладонь Владимирова, продолжил. – Все мы действительно рады вашему появлению у нас. Мы дорожим дружбой с вашей страной. Конечно, хотелось бы большего...

В это время к ним подошёл Кан Шэн и Мао Цзэдун не стал говорить дальше. Это немного удивило Владимирова.

– Я вижу, вы уходите, – сказал Кан Шэн. – Но я полагаю, мы скоро увидимся. Заходите ко мне в любое время. Я всегда буду рад вас видеть...

Пока добирались до дому в сопровождении всё тех же маузеристов хмель из головы вышел. Прохладный ночной воздух приятно освежал и дышалось легче.

У дома их поджидал Долматов.

– Слава богу! – с облегчением проговорил он. – А мы с Колей уже волноваться стали...

– Что-нибудь случилось? – спросил Владимиров.

– Нет, Пётр Парфёнович, ничего не случилось... Просто темень такая... А тут ещё накануне вашего прилёта по городу слухи пошли о какой-то банде, которая появилась в окрестностях города...

Уже перед тем, как ложиться спать, Владимиров заинтересовался у Алеева:

– Борис Васильевич, ты что-нибудь знаешь о Цзян Цин? Мне кажется она особа не простая...

Алеев усмехнулся.

– Это ты, Пётр Парфёнович, точно заметил, – сказал он. – Её настоящее имя Ли Юнь-хао. Родилась в провинции Шаньдун, в небольшом городе Чжучень. Отец её умер рано. Мать работала прислугой у какого-то местного богача. Свою дочь она очень любила и смогла дать ей первоначальное образование. Когда Ли Юнь-хао исполнилось 17 лет, по одним сведениям, она поступила в Шаньдунскую школу под именем Лэ Шу-цзя по другим – сбежала из дома с бродячими артистами. В последнее я больше верю, – Алеев снова усмехнулся и продолжил. – В 1929 году она оказалась в Циндао и там поступила в институт. О том, что она мечтала стать артисткой, тем более, что её внешность было достаточно заметный и мужчины старались с ней знакомиться, я узнал от Бо Гу, – Пояснил Алеев. – Видимо, это так и было, потому как свою дальнейшую карьеру девушка строила не без участия богатых покровителей. И вот тут самое интересное! В 1934 году она с неким богачом по имени Хуан Цзинем приезжает в город Бэйпин и знакомиться здесь на одной из вечеринок с неким Пэн Чжэнем, который и вовлекает её в революционную работу. В Бэйпине Анна она устраивается в местной театр и играет роли бедных крестьянских девушек. Но вскоре меняет покровителя и уезжает в Шанхай с известным профессором Шаньдунской театральной школы Вань Лай-тянем. И этот профессор, очарованный её красотой, устраивает девушку в кинофирму «Мин Син» где она снимается в японских фильмах.

Прежде чем попасть в Яньань и стать подругой Мао, Цзян Цин сменила четырёх покровителей. Это известно из разных источников, но проверить что-либо невозможно. Что ещё?.. В 1937 году она с группой актёров приезжает в Чунцин, а через год вот появляется в Яньане. Да, совсем забыл. Но это важно! В 1934 году она была арестована гоминдановцами. За что – неизвестно, но вскоре её выпустили из тюрьмы. В Яньани поговаривают, что ей помог Кан Шэн. Каким образом – тоже неизвестно. Кан Шэн и познакомил с Цзян Цин, с Мао. Правда, жёны соратников Мао сразу же её возненавидели, и по городу поползли слухи о любовных приключениях Цзян Цин. И даже говорили, что в тюрьме она была завербована гоминдановцами и является их агентом. Но Мао уже было на всё наплевать. Он влюбился в неё, как говорят у нас, по уши. По поводу их отношений даже собиралось заседание Политбюро, и Мао запретили жениться на Цзян Цин. Но и это не помогло. И опять же говорят, что хорошую услугу Мао оказал всё тот же Кан Шэн. Он представил Политбюро материалы следственной комиссии, в которых утверждалось, что в Шанхае и в Чунцине ничего подозрительного в поведении Цзян Цин не было. Таким образом, она стала женой Мао. В сороковом году у них родился ребёнок. Девочка. Назвали Ли На. Вот и всё, – Заключил свой рассказ Алеев. Но тут же добавил: – Через Цзян Цин проходит вся секретная почта Мао. Она в курсе всех его дел. Есть у неё подруга. Она жена одного из докторов госпиталя.

Теперь, кажется, всё.

– Ну, коль всё – ложимся спать, – усмехнувшись каким-то своим мыслям, проговорил Владимиров. – Дела спланируем завтра, памятуя о том, что утро вечера мудренее...

4

Владимиров проснулся от того, что за окном, оклеенном плотной полупрозрачной бумагой, услышал чьи-то торопливые шаги.

Рассвет уже проникал в комнату и на полу, и на стенах появились светлые пятна, которые медленно расплывались, заполняя собой всё пространство.

Владимиров оделся, вышел во двор и сразу почувствовал лёгкую приятную прохладу, идущую со стороны гор. Там, за круглыми вершинами ещё пряталось солнце, но его свет уже растекался по всему горизонту, окрашивая его в малиновые оттенки.

Владимиров осмотрелся. Нигде никого не было. Зашёл за угол дома. Тоже никого.

Направился к крыльцу и только тут увидел идущего со стороны кухни Орлова. Он был одет в данье, а на ногах верёвочные тапочки.

– Доброе утро, Пётр Парфёнович, – сказал Орлов, подойдя поближе. – Ну как я выгляжу?

– Прекрасно, Андрей Яковлевич, – ответил тот. Не удер-

жался и заметил: – Однако вчерашний костюм смотрелся лучше.

Орлов пожал плечами.

– Мне с утра в госпиталь ехать, а Южин предупредил: в госпитале всех, кто не носит их даньи, называют «заморскими дьяволами». А ты чуть свет куда собрался? – поинтересовался он.

– Показалось мне, что кто-то ходит по двору, – ответил Владимир.

– Я тоже слышал, – ответил Орлов. – Думал завхоз или повар... Сходил на кухню посмотреть, но там никого нет... Может охранники?...

В это время за каменным забором послышались голоса, и во двор вошёл завхоз Чан с поваром.

Владимир и Орлов переглянулись.

– Ну, вот тебе... – проговорил Орлов. – Выходит всё же кто-то у нас в гостях был...

Китайцы, поравнявшись с Владимиром и Орловым, с почетом поздоровались и прошли в сторону летней кухни.

Орлов направился на конюшню. Владимир уже собрался идти в дом, но в это время из-за вершины горы показался раскалённый до белизны край солнца и по склонам гор в долину хлынул поток утреннего света, заполняя с собой всё пространство между землёй и небом.

Владимир как замороженный стоял и смотрел на это чудо природы, подаренные людям неведомой силой.

...За завтраком решили: Долматов и Риммар займутся привезённым оборудованием для радиостанции, а Алеев с Южиным поедут в агентство «Синьхуа» к Бо Гу, чтобы получить последнюю информацию о ходе боевых действий на китайских фронтах.

Сам Владимиров решил с утра съездить к Кан Шэну и сообщить ему о незваном госте.

...Кан Шэн встретил его с улыбкой. Усадил за стол и предложил чай. Но, когда Владимиров рассказал о незваном госте, вдруг нахмурился, шумно втянул в себя через зубы воздух и задумчиво проговорил:

– Вы правильно поступили, что пришли ко мне. Я с этим делом разберусь. Единственное, о чём я вас попрошу: об этом больше никому не говорите, – и добавил: – Бродяг у нас в городе хватает... – И сменил тему разговора. – Насколько мне известно, вы не первый раз в Китае?

– Не первый, – ответил Владимиров. – Я был командирован ТАСС в Китай в мае 1938 года. И находился в Чунцине в качестве корреспондента до середины 1940 года. Затем был отозван в Москву. А с апреля по август 1941 года снова был командирован Чунцин...

– Я знаю об этом, – прервал Владимиров Кан Шэн. – Вы были в Чунцине под именем Сун Пина. – И, заметив насторожённую реакцию на лице Владимирова, поспешил добавить: – Нет, нет!.. Вы не подумайте ничего такого... Просто наши отношения с Гоминьданом настолько нестабильные, а времена-

ми, к сожалению, даже враждебные. Поэтому о вашем пребывании в Чунцыне лучше никому не говорить.

Вечером, когда уже все собрались за столом, Владимиров поделился своими мыслями о встрече с Кан Шэном.

– Кан Шэна здесь все боятся, – сказал Алеев. – Да и нам с ним надо быть предельно осторожными...

– Я это почувствовал, – согласился Владимиров. И обратился к Орлову. – А что у тебя, Андрей Яковлевич?

– Завтра приступаю к исполнению обязанностей заведующего хирургическим отделением. Хотя самого отделения, как такового, нет. Придётся начинать всё с нуля, – усмехнулся и добавил. – На фронте и хуже было...

Владимиров понимающе кивнул головой.

– Вот и прекрасно. А что у вас, друзья-товарищи? – спросил он у Алеева и Южина.

– Для первого раза неплохо, – ответил Южин.

Владимиров с нескрываемым удивлением посмотрел на него.

– А почему для первого?

– Потому что до сегодняшнего дня дела с агентством «Синьхуа» имел только Борис Васильевич. Я занимался другими делами. Я об этом потом доложу.

– Ясно... – проговорил Владимиров.

– Бо Гу нам рассказал не только о боевых действиях на фронтах, но кое-что об отношениях к среди руководства КПК, – продолжил Алеев. – По его мнению, идёт размеже-

вание: на одном фланге Мао с Кан Шэном и те члены политбюро, которые их поддерживают безоговорочно, на другом – так называемая здесь «московская группа» во главе с Ван Мином. К чему это приведёт, одному богу известно.

Вывод, сделанный Алеевым, заставил Владимирову задуматься. Сейчас не хватало только раздора среди руководства КПК. И это в то время, когда все силы КПК и Гоминьдана надо было мобилизовать на борьбу с японскими захватчиками.

– Бо Гу посоветовал обратить внимание на членов ЦК Ли Фучуня, который заведует хозяйственными и финансовыми делами в партии, и на Линь Боцюя, председателя правительства Особого района, – заметил Южин. И тут же добавил: – По мнению Бо Гу, от них много зависит в дальнейшем развитии событий внутри КПК.

Владимиров согласился.

– Ну что же... – сказал он. – Так и сделаем, – и уже после этого спросил у Долматова. – Новое оборудование подключили?

– Подключили, Пётр Парфёнович, – ответил тот. – Теперь мы сможем принимать даже английские и американские радиостанции...

– И с центром будет постоянно двухсторонняя связь, – добавил Риммар.

– Молодцы ребята! – похвалил их Владимиров.

Он действительно был доволен работой Долматова и Рим-

мара, и особенно отношениям, которые сложились за эти дни между ними.

– Единственное, что меня тревожит, – продолжил Владимир, – это доступное расположение антенны на горе. К ней может беспрепятственно подойти любой, кому не лень. Подумайте оба над этим. И зовите Чана, пусть кормит...

– Пётр Парфёнович, а может по полчашечки за удачный день, – вдруг предложил Долматов и почему-то посмотрел на Орлова.

– Вообще-то можно, Пётр Парфёнович, – поддержал Орлов. – С точки зрения медицины допускается... – Шутливо добавил он.

Владимиров укоризненно качнул головой.

– Сговорились...

– Да нет!.. – искренне возразил Долматов. – Однако Андрей Яковлевич прав. За здоровьем надо следить, особенно в таких условиях, как у нас: здесь чуть ли не субтропики летом, я совсем рядом за Циньлинским хребтом континентальный климат...

– Уговорили, – согласился Владимир. – Только по полчашечки.

После ужина Владимир вышел во двор. Жара уже спала и на землю вот-вот должны были опуститься спасительные сумерки.

Внизу, в лёгкой дымке, ещё просматривался город, пострадавший в прошлом году от налётов японской авиации.

Древняя крепостная стена тоже пострадала от бомбардировки. Она чёрной полосой отделяла Старый город от новых построек вдоль реки. Из разговора с Чаном Владимиров узнал, что в Яньани почти не осталось коренного населения. Город в основном заселяли, как выразился Чан, пришлые люди. В Яньани был один большой рынок под названием Синьшичан и множество маленьких лавок и закусовых.

Скоро из дома появился и Алеев.

– Подышать свежим воздухом вышел, Пётр Парфёнович? – спросил он.

– Да, Борис Васильевич. Какой резкий перепад температуры! – продолжил Владимиров, вглядываясь в дымку, сползающую с гор в долину. – Днём дышать нечем, а ночью хоть ватник одевай.

– Яньань спасает ещё Циньлинский хребет, – пояснил Алеев. – поэтому здесь сносная температура...

– Борис Васильевич, – мягко прервал Алеева Владимиров, – а сколько в городе населения?

– Тысяч сорок, – ответил тот. – Но это приблизительно. Навряд ли кто здесь проводил перепись населения. А вот в провинции Шаньси до войны жило больше девяти миллионов человек. Эта провинция в Китае считается центром их древней цивилизации...

В это время со стороны летней кухни показался старик Чан. Поравнявшись с Владимировым и Алеевым, он попрощался и пожелал спокойной ночи.

– А где ваш помощник? – спросил Владимиров.

– Повара я домой отпустил. У него пятеро детей. Надо и о них заботиться, – ответил старик Чан. – Ребята здесь останутся дежурить, чтобы больше никто не заходил сюда.

– Хорошо, Чан, – согласился Владимиров. И вдруг поймал себя на мысли, что он не просил Чана оставлять охрану и не говорил ему о ночном госте.

– Интересно выходит... – задумчиво проговорил Владимиров, когда Чан вышел за ворота.

– Ты о чём, Пётр Парфёнович? – спросил Алеев.

– Одно дело надо проверить, – ответил тот.

Алеев усмехнулся.

– Если ты имеешь в виду сторожей, оставленных Чаном, можешь не сомневаться: все они, и Чан в том числе, люди Кан Шэна. На сто процентов, – уверенно добавил он.

5

Четырнадцатого мая Владимиров отправил в Центр донесение, в котором сообщил о прибытии в Яньань и тёплой встречи со стороны руководителей КПК.

Накануне Долматов предупредил, что в десяти километрах от них находится мощная радиостанция КПК подчинённая Бо Гу, но практически весь персонал станции состояла из людей Кан Шэна.

– ... Не исключено, что все наши радиопереговоры с Цен-

тром прослушиваются, – сказал он. – И кое-что надо будет шифровать.

В этот же день Владимиров отправил в Центр ещё одну телеграмму с зашифрованным текстом, в которой сообщил о настроениях в руководстве КПК, складывающемся отношении к Гоминьдану, и о расколе в самом руководстве КПК, связанном с оценкой деятельности Коминтерна.

И чтобы ещё раз убедиться в том, что он не ошибается, Владимиров на другой день поехал к Бо Гу вместе с Алеевым.

...Бо Гу встретил их как старых знакомых, усадил в кресло и попросил своего помощника приготовить для гостей чай.

На вид Бо Гу было лет тридцать пять. Он был худощав со светлым лицом и очень подвижный. Поправляя свои очки в круглой оправе, сказал:

– Я очень рад вашему приезду. Глядя на вас, я вспоминаю самое прекрасное время в своей жизни. – И пояснил: – с 1926 по 1930 годы я учился в Москве...

В это время в кабинет вошёл помощник Бо Гу с большим ярко расписанным подносом и с тремя чашками чая. Молча поставил поднос на стол и вышел.

Владимиров и Алеев поблагодарили Бо Гу за чай.

– Вы пейте, пейте, – сказал он. – Его надо пить пока он свежезаваренный. Тогда он действует как бальзам. А если чай вчерашний или стоял долго, он будет как укус змеи.

Чай действительно оказался настолько приятным на вкус, что Владимиров не удержался и спросил:

– Мы будем надеяться, что когда-нибудь вы откроете нам секрет приготовления такого превосходного напитка?

– Обязательно, – улыбнулся в ответ Бо Гу. – А теперь говорите, что привело вас ко мне?

И Владимиров почувствовала на себе внимательный и даже слегка настороженный взгляд Бо Гу.

«Да... Тут действительно не всё так просто...» – подумал он. А вслух сказал:

– Во-первых, я хотел познакомиться с вами в неформальной обстановке. Насколько мне известно, вы один из тех, кто последовательно отстаивает линию Коминтерна, направленную на сплочение всех политических сил Китая против японских захватчиков. Для нас это очень важно, особенно сейчас, когда положение на советско-германском фронте довольно сложное. Гитлер бросает на Восточный фронт всё новые и новые дивизии из Европы и даже из Африки...

Владимиров сделал паузу, чтобы убедиться, как Бо Гу воспринимает его слова. Этой паузой и воспользовался Бо Гу.

– А во-вторых? – улыбаясь, спросил он.

– А во-вторых, нам установили ограничения в получении информации...

– Кан Шэн?

– Да...

– Ну, ясно, – Бо Гу покачал головой. – Я буду помогать

вам в меру своих возможностей, – пообещал он. – Что вас интересует в первую очередь?

Вопрос был поставлен прямо и Владимиров тоже прямо спросил:

– Почему командование корпуса в ходе «Великого похода» своей конечной целью выбрало провинцию Шаньси?

Бо Гу слегка задумался. Снял очки, протёр их носовым платком и только после этого ответил:

– Причин, на мой взгляд, было много, – начал он говорить медленно, – Но главная заключалась в том, что в Шаньси уже существовал советский район, который возглавляли Лю Чжидань и Гао Ган. Лю Чжидань погиб при невыясненных обстоятельствах, а Гао Ган и по сей день жив и здоров. Он является секретарём Северо-Западного бюро ЦК КПК. Более того, в ЦК он отвечает за решение одного из самых трудных вопросов по национальному примирению на территории Особого района. Вы, возможно, знаете, – продолжил он, – что у нас проживает около пятидесяти национальностей. А это сотни тысяч человек. И здесь постоянно случались кровавые распри на религиозной почве. Особенно с участием мусульман, которые переселились сюда из Синьцзяна. Со временем мусульмане ассимилировались с китайским населением, и их стали называть дунганями. Однако распри не прекратились. В Шаньси сегодня, по некоторым данным, около миллиона дунган. Много здесь монголов и тибетцев. Без решения национального вопроса мы не сможем

надеяться на успех в нашей борьбе. У Гао Ганя, как я сказал, большой опыт в этой работе. Он ещё к 1936 году сумела примирить самых ярых врагов и избавил провинцию Шаньси и другие районы от религиозной резни, в которой прав был тот, кто сумел отрезать больше голов у своих противников.

Я вас не утомил? – вдруг спросил Бо Гу. – Хотите ещё чая?

– Нет, нет! Спасибо, – ответил Владимиров. – И вы нас вовсе не утомили, – добавил он. – Скажите, пожалуйста, что по вашему мнению сегодня мешает объединению усилий КПК и Гоминьдана для успешного противостояния японского нашествия на Китай?

– Вы хотите услышать именно моё мнение? – почему-то переспросил Бо Гу.

– Да... И, если можно, откровенно.

Владимиров пожалел, что сказал это. Он побоялся, что Бо Гу обидится на него, но тот не обиделся. По крайней мере, внешне это было не заметно. Однако вопрос Владимира заставил Бо Гу снова задуматься. Он снял очки, бесцельно покрутил в руках, затем водрузил на место.

– Я полагаю, Вы знаете, что в сентябре 1937 года такая наша попытка увенчалась успехом, – начал говорить Бо Гу медленно, словно взвешивал каждое сказанное им слово. – Антияпонский фронт был создан. И Красная Армия КПК перешла под командование центрального правительства во главе с Чан Кайши. Однако этот союз продержался недолго. Слишком разные цели стояли перед нами. И в этом глав-

ная причина развала нашего союза. К тому же и КПК, и Го-миньдан – не единственные силы, которые способны влиять на ход событий. Очень большая территория Китая находится под властью различных марионеточных правителей. И Япония этим пользуется. В противовес центральному правительству в Чунцине японцы сформировали китайское правительство в Маньчжурии. По нашим данным, только в марте и апреле этого года в Маньчжурию было дополнительно переброшено с Японских островов четыре дивизии. Единственная надежда у нас – ваша страна, но она, к сожалению, оказывает всестороннюю помощь только Чан Кайши...

– У нас с ним договор от 1937 года... – напомнил Владимиров.

Бо Гу с сожалением развёл руки.

– Я понимаю... Договора надо выполнять...

Бо Гу произнёс последние слова так, что Владимирову стало немного не по себе.

У Бо Гу Владимиров с Алеевым пробыли ещё с полчаса, а когда стали прощаться Бо Гу посоветовал:

– Постарайтесь рассеять насторожённость, которая сложилась вокруг вашей группы у некоторых наших партийных и военных руководителей. И ещё: будьте осторожны с Кан Шэном. Знаете, как у нас о таких людях, как Кан Шэн, говорят? Такого человека не узнаешь, пока не попадёшь ему на удочку.

Владимиров поблагодарил Бо Гу за совет. И тут же спро-

сил:

– А могу я задать вам ещё один вопрос?

– Я готов ответить на любое количество ваших вопросов, – с улыбкой проговорил Бо Гу.

Было заметно, что он остался доволен встречей.

– Скажите, пожалуйста, какую роль в делах председателя партии товарища Мао Цзэдуна играет его супруга Цзян Цин.

Бо Гу не сдержался от удивления.

– Вас и это интересует?

– Очень, – ответил Владимиров.

– Ну, тогда слушайте. Против брака Мао с Цзян Цин были все члены политбюро и многие другие товарищи. Дело в том, что в это время Мао ещё находился в браке с Хэ Цзычжэнь. Это вторая его жена. Первую казнили гоминдановцы. С Хэ Цзычжэнь Мао познакомился, когда ей было 18 лет. Но, несмотря на свой юный возраст, она уже командовала одним из отрядов самообороны. С ней Мао прошёл весь нелёгкий путь «Великого похода». У них было пятеро детей. Трое умерли, двоих Мао был вынужден оставить в одной из крестьянских семей. Хэ сама была трижды ранена. Всё это закончилось для неё тем, что она лишилась рассудка, и её под чужим именем отвезли в психиатрическую лечебницу в Шанхай. Поэтому и появление здесь двадцатишестилетней актрисы, и желание Мао жениться на ней было воспринято в ЦК, мягко говоря, негативно...

– И всё же он женился, – заметил Владимиров.

– Женился, – повторил Бо Гу. – Но ему было поставлено условие: Цзян Цин не будет вмешиваться в партийные дела, не будет представлена публично и не будет занимать в партии какие-либо руководящие посты.

Владимиров посмотрел на Алеева, на его спокойное и, казалось, равнодушное лицо, затем снова перевёл взгляд на Бо Гу.

– И эти условия соблюдаются? – уточнил он.

– Я думаю, – ответил Бо Гу. – Цзян Цин родила Мао дочь, настояла на возвращение в семью его двоих сыновей и стала заботливой для них матерью. Что ещё вас интересует?

– Дружба Цзян Цин с Кан Шэном. Это действительно так? – спросил Владимир.

– Об этом у нас предпочитают не говорить, – почему-то усмехнулся Бо Гу. – Мао относится к их, если можно так сказать, дружбе равнодушно. А больше никому нет дела до их отношений.

...Ночью Владимир долго не мог уснуть, перебирая в памяти весь разговор с Бо Гу. Он ловил себя на мысли о том, что Бо Гу действительно прав, когда говорил о всесторонней поддержке Москвы Чан Кайши и осторожного отношении к руководству КПК. Что за этим скрывалась, он не знал и даже не догадывался...

По тусклому свету, который стал проникать через бумажные окна в комнату, Владимир понял: скоро наступит рассвет. Он встал, оделся и вышел во двор. Небо на востоке

медленно розовело, постепенно превращаясь в малиновое с золотыми оттенками. Очертания гор и их вершины становились с каждой минутой всё отчётливее. Прошло ещё какое-то время, и вершины гор вдруг окрасились в ослепительные цвета наступающего рассвета.

Владимиров постоял ещё немного на крыльце, потом вернулся в дом. Не успел закрыть за собой дверь, как из радиопузла почти выбежал Риммар. Увидел Владимирову и чуть ли не во весь голос сообщил:

– Только что Совинформбюро передала сообщение! На Харьковском направлении наши войска прорвали немецкий фронт на глубину до шестидесяти километров!.. Уничтожено больше четырёхсот немецких танков! Двенадцать тысяч гитлеровских солдат и около двух тысяч взято в плен!..

Владимиров подошёл к Риммару и обнял его за плечи.

– Спасибо, Коля, за такую новость. Побольше бы их было.

Из своих комнат по выходили Орлов, Алеев, Южин и Долматов. Узнав в чём дело, вдруг, пустились в пляс, а когда успокоились, Алеев проговорил:

– Будет, мужики, и на нашей улице праздник!.. Вот увидите...

Глава вторая

1

В ночь на шестнадцатое мая Долматов, сменивший Риммара у приёмника, поймал волну, на которой работало радио Токио. Японцы сообщали о захвате китайских городов Ланьцзы и Цзиньхуа и успешном наступлении в долине реки Салуин.

Утром, когда Долматов рассказал об этом, Южин мрачно заметил:

– Скорее всего, они хотят перекрыть все сухопутные дороги, ведущие из Индии в Китай.

На другой день Риммар принял шифровку от «Кедра». В ней говорилось, что в Маньчжурии к границам СССР на Ханьчунском, Пограничном и Приханьском направлениях начали сосредотачиваться японские войска. Из района Южного моря в Маньчжурию перебрасываются авиационные части. Средства противовоздушной обороны получили приказ быть в постоянной боевой готовности. Из приграничных районов в глубь Маньчжурии начата эвакуация местного населения.

Владимиров распорядился тут же отправить шифровку в Центр.

Всё свидетельствовало о готовящемся нападении Японии

на СССР.

А уже вечером, вернувшись из госпиталя, Орлов сказал:

– Начальство настоятельно попросило меня переселиться в госпиталь. И даже жилое помещение уже приготовили. Так что придётся мне перейти на пещерный образ жизни, – насмешливо добавил он.

– Если просят, да ещё настоятельно, значит, придётся, – мрачно произнёс Владимиров. И тут же обратился к Южину: – У нас есть какая-нибудь информация о состоянии четвёртой и восьмой армии КПК?

– Нет, – ответил тот.

– А надо... – Владимиров слегка задумался. – Кан Шэн, конечно, нам такую информацию не даст... Значит надо самим добывать её... – Посмотрел сначала на Южина, затем на Алеева. – Если я договорюсь с китайским руководством, поедете в войска?

– С удовольствием, – не задумываясь, ответил Южин.

– А предлог? – уточнил Алеев. – Мы же не скажем, что едем посмотреть в каком состоянии их бригады и полки!

– Естественно, – согласился Владимиров. – Я скажу, что Москва попросила нас подготовить несколько статей для центральных газет о китайской Красной Армии. Ты думаешь, Кан Шэн будет возражать?

Алеев неопределённо пожал плечами. По его лицу было заметно, что идея Владимирова ему пришлась не по душе.

– Не знаю... – ответил он.

– Борис Васильевич, – сказал Владимиров, – если ты по какой-либо причине не можешь поехать, поеду я...

– Да нет уж, Пётр Парфёнович! – возразил тот. – Я поеду. Только толку из этой поездки не будет. Тут и так всё ясно. Ни четвёртая, ни восьмая армии с японцами воевать не собираются. Насколько мне и раньше было известно, они больше готовятся к войне с Гоминьданом, чем с японцами...

Владимиров не стала возражать Алееву, но всё же заметил:

– Возможно это так... Но надо посмотреть самим... – и обратился к Орлову. – Андрей Яковлевич, ты не думаешь, что твой переезд в госпиталь, это затея Кан Шэна?

– Зачем? – удивлённо спросил тот.

– Проще следить.

– Чёрт его знает... Поживём – увидим, – ответил Орлов. – Меня другое волнует. В пещерах везде теснота, грязь, тучи мух. Для отопления используется жаровни. Это такие металлические поддоны, на которых разводятся костры из древесного угля. Бани нет... И это не от бедности. Это от равнодушия тех, кто отвечает за состояние госпиталя!.. О питании я уже и речи не веду. Привозят откуда-то кашу, непонятно из чего приготовленную. Я в полевых госпиталях у нас такого не видел!.. Надо всё исправлять. И начинать с операционного отделения...

Владимиров никогда не видел Орлова таким расстроенным. Невысокого роста, шугливый и внешне, казалось, неза-

видной силы, он с первых дней войны возглавлял полевые госпитали на разных фронтах. Затем его командировали в Военно-медицинскую Академию имени Кирова, объяснив: не хватает на фронте хирургов, надо готовить специалистов. Теперь же он явно пребывал в растерянности.

...После «утренней планёрки» Владимиров решил поехать к Кан Шэну, чтобы переговорить с ним о поездке Алева и Южина в войска.

Рядом с крыльцом дома Владимиров увидел старика Чана. Тот явно его подждал.

– Что-то случилось? – спросил Владимиров. Ибо вид у Чана был встревоженный.

– Случилось, случилось, – проговорил тот. – В городе люди говорят: гоминдановцы на нас напали. Идут на Яньань!.. Рынок не работает, все лавки закрылись!.. Люди не знают, что им делать...

Чан говорил, торопливо заглядывая Владимирову в глаза, словно пытался найти в них ответ на свою тревогу.

Выслушав до конца Чана, Владимиров спросил:

– А кто объявил о нападении гоминдановцев?

– Люди говорят!.. Кругом говорят!..

Владимиров, как мог, успокоил старика.

– Я всё узнаю, – пообещал он. – И непременно тебе скажу.

У «штаб-квартиры» Кан Шэна, так Владимиров определил про себя приземистое серое здание управления безопасности, было много народа. Люди молча толпились на неко-

тором расстояний от входа, где стояли внушительного вида маузеристы.

– Мне к товарищу Кан Шэну, – сказал Владимиров охранникам.

– Подождите здесь, – сказал один из охранников и скрылся за дверью. Вернулся буквально через пару минут. – Проходите. Товарищ Кан Шэн ждёт вас, – проговорил охранник и цепким взглядом осмотрел Владимирова с головы до ног.

Владимиров уже был в пяти шагах от двери кабинета Кан Шэна, когда дверь с шумом распахнулась, и из кабинета стремительно вышел Ма Хайдэ, явно не китаец, бледный, как полотно и направился к выходу.

Владимиров вошёл в кабинет Кан Шэна, поздоровался с ним и прикрыл за собой дверь.

– А-а-а... Это вы, – вместо ответа на приветствие сказал Кан Шэн. Потом, словно спохватившись, выдавил из себя улыбку, встал из-за стола и пошёл навстречу Владимирову. – Да, да... Мне доложили о вас. Проходите, присаживайтесь.

Осторожно взял Владимирова под руку и провёл к одному из двух глубоких кресел. Подождал, когда Владимиров сел, и опустился в кресло напротив.

– Скажите, если не секрет, а что надо этому доктору? – не удержался от вопроса Владимиров.

– Не обращайтесь внимания, товарищ Сун Пин, на такие мелочи, – прервал его Кан Шэн. – ко мне приходит много разных людей... Доктор Ма Хайдэ приходил по личному де-

лу... Так что вас привело ко мне на этот раз? – спросил Кан Шэн, с любопытством поглядывая на Владимирова.

– У меня к вам есть одна просьба, товарищ Кан Шэн, – сказал Владимиров. – Моё начальство потребовала подготовить несколько статей о Красной Армии КПК для центральных газет. Для этого моим товарищам необходимо побывать в войсках, встретиться с командирами и солдатами, поговорить с ними, сделать фотоснимки...

В глазах Кан Шэна на одно мгновение появилась усмешка и тут же исчезла.

– Я понимаю, вас, товарищ Сун Пин, – проговорил он тусклым голосом. Видимо, просьба Владимирова была для него неожиданный. Кан Шэн шумно втянул сквозь зубы в себя воздух и, наконец, ответил: – Ну, хорошо... Я не стану возражать. Кто поедет?

– Алеев и Южин, – ответил Владимиров. – Вы их хорошо знаете...

– Ну да... Только предупредите заранее, когда они поедут. – Кан Шэн ещё был то ли в растерянности, то ли до конца для себя не решил, правильно ли он поступает, дав согласие на поездку русских корреспондентов в войска. – Я говорю так потому, – продолжил он, – что мне придётся заранее подготовить вашим товарищем пропуска и назначить охрану для сопровождения. Вы же, наверное, знаете, что на наших дорогах развелось много нехороших людей. А я лично перед товарищем Мао Цзэдуном отвечаю за вашу безопасность. –

Добавил он. – У вас больше нет ко мне вопросов?

Владимиров хотела уже сказать, вопросов нет, но вспомнил обещание, данное старику Чану и потому спросил:

– Скажите, на самом деле гоминдановские войска готовятся к нападению или это слухи?

Кан Шэн деланно рассмеялся.

– И до вас уже это дошло!.. – перестал смеяться, и лицо его вдруг стало непроницаемым. – Эти слухи умышленно распускают гоминдановские шпионы, сектанты и догматики, которые проникли в наши ряды и с которыми мы намерены вести беспощадную борьбу!

Последние слова Кан Шэн произнёс так, словно выступал на собрании.

Ответ Кан Шэна больше насторожил Владимирову, чем успокоил. Нападать на Особый район гоминдановцы не собирались. У них с японцами хватало забот. Не ясно было, кого Кан Шэн имел в виду, называя сектантами и догматиками.

2

Ночью Владимиров проснулся от того, что кто-то осторожно тронул его плечо. Он открыл глаза и увидел рядом с собой Долматова.

– Пётр Парфёнович, – шёпотом произнёс тот, – от «Кедра» шифровка пришла...

Владимиров босиком, не найдя в темноте свои тапочки, поспешил в радиоузел. Там уже был и Риммар.

– Расшифровали? – спросил он.

Риммар подал ему лист бумаги с текстом сообщения.

Владимиров быстро одними глазами прочитал: «Из Японии в Маньчжурию шестнадцатого мая отправлено пять транспортов с артиллерией и танками. В Шанхае начато формирование специальных подразделений из бывших белогвардейцев».

– Леонид Васильевич, Коля, – обратился Владимир к Долматову и Риммару, – шифруйте и немедленно отправляйтесь в Центр.

До утра Владимир так и не уснул. Тревожные мысли за происходящее в Яньани и на советском Дальнем Востоке заставляли раз за разом перебирать в памяти все возможные варианты событий, которые могут в любую минуту развернуться и там, и здесь.

...Было около десяти утра, когда в доме появился Сяо Ли. Раздарив всем уважительные поклоны, Сяо Ли сказал, обращаясь к Владимиру:

– Вас просит срочно приехать товарищ Кан Шэн, – и, наверное, для большей убедительности добавил. – Вы ему очень нужны.

...Когда Владимир вошёл в кабинет Кан Шэна, увидел, что тот был не один. За столом, покрытым тёмно-зелёным сукном, сидели помощник Мао по вопросам гражданской

администрации Жэнь Биши, глава правительства Ван Цзинвэй и директор высшей партийной школы в Яньани Дэн Фа.

Кан Шэн, как и в прошлый раз, поднялся с места и пошёл Владимирову навстречу. Широко улыбаясь, произнёс:

– Товарищ Сун Пин, поздравляем вас с успехом Советской Армии под Харьковом. Мы все рады и надеемся, что это только начало изгнания немецких оккупантов с вашей земли. Проходите и присаживайтесь. – И Кан Шэн широким жестом указал на стул рядом с Жэнь Биши.

Сам Кан Шэн не сел на своё место. Обошёл стол и стал за спиной Ван Цзинвэя, словно, хотел этим подчеркнуть своё единство с главой правительства Особого района. И только после этого продолжил:

– Мы в курсе всего, что сейчас происходит в Маньчжурии, и реально представляем, какой опасностью для СССР является концентрация японских войск на границе с вашей страной. Маньчжоу-Го – это марионеточное, если можно так сказать, государство. И вы, видимо, знаете, что реальная власть в нём принадлежит вовсе не императору Пу И, а японцам. Из тех сорока миллионов, которые проживают там, можно без труда набрать миллионную армию. И мы могли бы в какой-то мере оказать помощь СССР. Но для этого нам необходимо хотя бы перевооружить нашу четвёртую и восьмую армии. И усилить их в первую очередь техникой...

Владимиров слегка кивнул головой. Этот произвольный жест Владиминова не стал незамеченным сидящими

за столом. Первым отреагировал на это Ван Цзинвэй.

– Ну, вот видите, вы тоже с нами согласны. Поэтому мы просим вас довести нашу озабоченность и просьбу до вашего руководства в Москве. Это будет в наших общих интересах.

– Я постараюсь это сделать, – ответил Владимиров.

– Постарайтесь, товарищ Сун Пин, – поддержал Ван Цзинвэй и Кан Шэн. – Да! Я подписал разрешение вашим товарищем на поездку в распоряжение войск восьмой армии, – добавил он. – Если у вас к нам нет вопросов...

И Кан Шэн широко развёл руки, давая понять Владимирову, что он может быть свободен.

Вернувшись домой, Владимиров почти дословно передал разговор у Кан Шэна Алееву и Южину.

Выслушав его, Южин с усмешкой заметил:

– Пётр Парфёнович, когда мы с Алеевым и Долматовым прилетели сюда, нас сразу отвезли в Яньцзялин. И Жэнь Биши сказал нам то же самое. Как видите, всё повторяется...

– И остаётся на том же месте, – добавил Алеев. – Вот и выходит: мы им не оказываем помощь, как Гоминьдану. Они не воюют с японцами... Знаете, как по такому случаю здесь говорят? «Лучшее время посадить дерево было двадцать лет тому назад. Следующее лучшее время – сегодня». Так что их можно понять...

...Двадцать пятого мая Кан Шэн снова пригласила Владимирова к себе. На этот раз он был один.

– Товарищ Сун Пин, – начал сразу разговор Кан Шэн, –

мне поручено председателем партии товарищем Мао Цзэдуном довести до вас информацию, которая так или иначе касается и ваших, и наших интересов. – Кан Шэн шумно втянул сквозь зубы в себя воздух и вдруг спросил: – Вы будете запоминать или записывать?

– Запоминать, – ответил Владимиров.

Кан Шэн улыбнулся.

– У вас, наверное, хорошая память... Как у разведчика...

– Хорошая, товарищ Кан Шэн.

– Прекрасно! Тогда я буду говорить, а вы запоминайте.

Первое. По нашим сведениям, японцы на днях высадили десант на побережье провинции Фунзянь и начали наступление на города Чжэцзян и Цзянси. Второе. Вместо того, чтобы остановить продвижение японцев вглубь китайской территории, Чан Кайши принимает решение усилить блокаду Особого района и к нашим границам перебросил десять пехотных дивизий и пятнадцать кавалерийских бригад...

Кан Шэн старался говорить спокойно, но раздражение так и распирало его изнутри. Это было видно по его глазам. В какое-то время он всё же потерял над собой контроль, вскочил со стула и нервно заходил по кабинету из одного угла в другой.

Когда Кан Шэн, наконец, выговорился, Владимиров, молчавший всё это время, спросил:

– Я могу задать вам вопрос?

– Задавайте! – ответил Кан Шэн, всё ещё находясь во вла-

сти своих эмоций.

– Вы не могли бы проинформировать меня, какими вооружёнными силами сегодня располагает Гомиьндан?

На лице Кан Шэна появилась хитрая усмешка, по которой Владимиров догадался, что Кан Шэн знает о его группе больше, чем они думают.

– Конечно, могу, – ответил он. – На Северо-Западном фронте у них количество пехотных дивизий колеблется от ста до ста десяти. И кавалерийских бригад десять – одиннадцать. На Центральном фронте пехотных дивизий больше, чем на Северо-Западном. Но не превышает сто сорока. Кавалерии мало. По последним сведениям, всего три кавбригады. На Южном фронте у них всего около пятидесяти пехотных дивизий и одиннадцать пехотных бригад. О коннице у нас нет сведений. Есть у них и, так называемый, Бирманский фронт. В составе от трёх до пяти пехотных дивизий. Вот и всё, товарищ Сун Пин. Что ещё вас интересует?

И снова Владимиров почувствовал на себе хитроватый взгляд Кан Шэна.

– Теперь я хочу спросить у вас, – продолжил он. – Вы сами верите в то, что мы с Гомиьнданом снова можем найти общий язык? Я не верю! На вопрос можете не отвечать. Я и так знаю, что вы скажете. И ещё, товарищ Сун Пин, с поездкой ваших товарищей в войска придётся немного подождать. Так складываются обстоятельства...

Уже поздно вечером Владимиров отправил в центр шифровку с данными, полученными от Кан Шэна о численности войск Гоминьдана и обстановке, которая складывалась на Юго-Восточной границе Особого района. Затем вышел на крыльцо дома подышать свежим воздухом, но вдруг услышал за углом дома голоса и почувствовал запах табачного дыма. По голосам определил: там курили Алеев и Южин.

Постояв несколько минут на крыльце, Владимиров уже собрался возвращаться в дом, когда услышал, как Южин сказал:

– ... Мне это каша из чумизы и риса, заправленная жирной свиной, уже по ночам снится!.. Наверное, наш повар решил нас со света сжить... И готовит отвратительно... Надо будет начальству нашему сказать...

– А что, наше начальство другую кашу ест? – насмешливо спросил Алеев. И продолжил: – Я вчера возле наших ворот за малым не наступил на полутораметровую змею. У меня душа в пятки ушла...

– Этого добра тут хватает, – ответил Южин. – Китайцы их за милую душу уплетают... Не пробовал? А я пробовал. Отличное мясо, особенно если под острым соусом...

В ответ Южин рассмеялся.

– Ладно, поедатель змей!.. Пошли спать. На завтра дел по горло...

Когда Алеев с Южиным появились из-за угла дома, Владимиров спросил:

– Я слышал кто-то жаловался на нашего повара? Есть выход – отказаться от него и готовить самим. Кто это будет делать?

Южин смущённо промолчал, а Алеев насмешливо заметил:

– Жребий бросим...

– Без моего участия, – в тон ему ответил Владимиров.

Он хотел ещё что-то сказать, но в это время из дома торопливо вышел Риммар.

– Потерял я вас, Пётр Парфёнович!.. Я только что поймал волну, на которой работает радио Токио. Они сообщили о прорыве немцами нашего фронта в районе Славянска и Краматорска... Что же это получается?.. – растерянно спросил он.

– Плохо, получается, – ответил Владимиров. – Теперь наверняка надо ждать и от японцев какую-нибудь пакость...

И Владимиров не ошибся. Спустя два дня от «Кедра» пришла шифровка. В ней сообщалось, что японский генштаб отдал распоряжение командующему Квантунской армии в Маньчжурии активизировать работы по ремонту мостов и дорог, идущих к пограничным районам СССР.

На следующий день Владимирова снова пригласил к себе Кан Шэн.

На этот раз он не улыбался. Держал себя сухо и сдержан-

но. Не предлагая Владимирову даже присесть, спросил:

– Товарищ Сун Пин, мы просили вас передать в Москву нашу просьбу о военной помощи. Что с ответом?

– Я ничего ещё не получал, – ответил Владимиров. И, заметив ироническую усмешку на лице Кан Шэна, пояснил: – Вы должны понимать, что любые поставки вооружения в Яньань будут рассмотрены в Чунцине, как нарушение договора между СССР и Гоминьданом. И как возможная подготовка к гражданской войне. Однако, что решат в Москве я не знаю. Кан Шэн хмыкнул и прошёлся медленно по кабинету.

Прошло, наверное, не менее минуты прежде чем он произнёс тусклым голосом:

– Великий Конфуций однажды сказал: «Благородный муж должен стыдиться, когда его слова расходятся с поступками». Я вас больше не смею задерживать, товарищ Сун Пин. До свидания.

Последние слова Кан Шэн неожиданно для Владимирова произнёс по-русски с нескрываемой издёвкой.

Вернувшись домой, Владимиров рассказал только что вернувшемуся от Бо Гу Алееву о своей встрече с Кан Шэном.

– ...Его словно подменили, – посетовал Владимиров.

Алеев усмехнулся.

– С ним такое случается, – проговорил он. – Здесь просто не хотят понять, что поставки оружие в Яньань окончательно приведут к ещё большему напряжению в отношениях между

КПК и Гоминьданом. А в прочем, у местного руководства свои и совсем другие планы. И они этого особенно не скрывают. Однако с японцами они воевать не собираются. Мне об этом сегодня сказал Бо Гу. Не прямо, конечно...

Владимиров на какое-то время задумался.

– Интересно... – проговорил он. И обратился к Алееву: – Я давно хотел у тебя спросить, что за человек и что представляет собой Бо Гу?

– Личность довольно интересная, – ответил тот. – Имя ему родители дали Цинь Бансянь. Когда ему исполнилось девять лет, умер отец. Ещё в школе он увлёкся чтением древних рукописей династии Цинь. И где-то в это время взял себе имя Бо Гу. В 1925 году стал студентом Шанхайского университета и руководил студенческим сходом... Насколько я знаю, Шанхайский университет был тогда чуть ли не кузней революционных кадров... В университете Бо Гу вступил в КПК, примкнув к движению 30 мая...

– Мне говорили, что он учился и в Москве... – сказал Владимир

– Да. В 1926 году. В университете Чжуншань имени Сунь Ятсена. Здесь Бо Гу познакомился с Ван Мином, который приехал в Москву годом раньше. Они оба приняли активное участие в организации «группы 28 большевиков». Члены этой группы считали себя истинными марксистами и планировали коренным образом изменить ход революционных событий в Китае. Ни больше, ни меньше! Ну а в 1930 году

Бо Гу и Ван Мин вернулись в Китай. Однако уже в следующем году Ван Мина снова направили в Москву в качестве руководителя делегации КПК при Коминтерне, а Бо Гу избрали членом Центрального бюро КПК, а затем и секретарём ЦК КПК...

– А где в это время был Мао? – поинтересовался Владимир.

– Воевал, – ответил Алеев. – В 1931 году японцы вторглись в Китай на Северо-Востоке. А два года спустя руководство Гоминьдана разорвало союзные отношения с КПК, и против коммунистов начались репрессии. Бо Гу пришлось уехать из Шанхая и перебраться на территорию Советской республики в Цзянси, где главой правительства в это время был... – Алеев сделал многозначительную паузу. – Догадываетесь, кто?

– Товарищ Мао Цзэдун, – продолжил Владимир.

– Верно. И здесь между Мао, с одной стороны и Бо Гу, Чжоу Эньлаем и военным советником от Коминтерна Ли Дэ с другой стороны, началась, что называется, не прикрытая борьба за власть... Я не скажу, кто из них был прав, а кто нет. Однако в 1934 году, когда гоминдановские войска блокировали Советский район в Цзянси и полностью изолировали его от всего мира, руководством КПК было принято решение оставить Советский район и пробиваться в Яньань. Здесь это называют «Великим походом». В ходе похода Красная Армия понесла большие потери, и всю ответственность

за это Мао возложил на Чжу Дэ и Бо Гу. Однако Чжу Дэ сумел сохранить за собой пост командующего вооружёнными силами КПК, а вот Бо Гу был смещён с поста секретаря ЦК КПК. И только в 1941 году он был назначен главным редактором газеты «Цзенфан Жибао» и руководителем телеграфного агентства «Синьхуа». Вот такая история, Пётр Парфёнович, – заключил свой рассказ Алеев и тут же добавил: – Но я думаю, это ещё не всё. У Бо Гу, который до сих пор твёрдо придерживался линии Коминтерна, есть против Мао серьёзные улики, и это сдерживает Мао от расправы с ним...

4

Тем временем обстановка в Яньане с каждым днём становилось всё нервное. И тому было немало причин. Японцам удалось оттеснить китайские дивизии на Север, затем окружить большую часть из них и вынудить сдаться. После этого японцы повели наступление из Бирмы и заняли китайскую провинцию Юньань. Участвующие в боях в Бирме англичане под натиском японцев тоже были вынуждены поспешно отступить на Северо-Запад к границам с Индией. Воспользовавшись этим, японское командование начало стремительное наступление вдоль Бирманской железной дороги. Единственная дорога, по которой поступала англо-американская помощь Чан Кайши, была перекрыта.

...Вечером за ужином собрались все. Последним приехал

Южин. Он был в агентстве «Синьхуа», которое размещалось недалеко от пещерного городка в Храме Десяти тысяч Богов...

Не дожидаясь вопросов, Юджин объявил:

– В Храме Десяти тысяч Богов тоже нервная обстановка. Говорят о возможной эвакуации из Яньана всех учреждений на случай войны с Гоминьданом. В том числе ЦК КПК, Генштаба, правительства, военной академии и партийной школы...

Выслушав Южина, Владимиров спросил:

– И куда же они собираются эвакуироваться?

Южин махнул рукой.

– Пётр Парфёнович, такое здесь случается пять раз в году! – ответил он. И продолжил: – Есть беда посерьёзнее: с разгромом войск союзников в Бирме у японцев высвобождаются большие людские и технические ресурсы, которые они могут перебросить в Маньчжурию. Но об этом в Храме Десяти тысяч Богов не говорят.

– Действительно... – вступил в разговор Алеев. – Пути Господни неисповедимы... – насмешливо продолжил он.

Однако его насмешливость осталась без внимания: все понимали – Южин был прав.

... Орлов домой вернулся поздно. Вид у него был усталый.

На вопрос Владимирова: «Что, снова заставляют переехать в госпиталь?» ответил:

– Молчат пока... Однако сдаётся мне, скоро весь госпи-

таль разбежится... – опустил на стул и продолжил, обращаясь к Владимирову. – Надо присмотреться к Ма Хайдэ. Сдаётся мне, он только выдаёт себя за доктора...

– Ты думаешь, он разведчик? – спросил Алеев.

– А чёрт его знает... Всё может быть...

...Спустя два дня Владимирова снова пригласили к Кан Шэну. По этому поводу Долматов заметил: «Пётр Парфёнович, ты у нас становишься постоянным гостем Кан Шэна».

На этот раз Кан Шэн поинтересовался положением дел на советско-германском фронте. Выслушав Владимирова, заметил:

– Вы ничего не сказали о событиях под Харьковом.

Владимиров догадался: Кан Шэну всё известно. Зачем тогда он спрашивает?

– ...По состоянию на двадцать пятое мая под Харьковом ничего существенного не произошло, – ответил Владимиров. – Наши войска прочно закрепились на занимаемых рубежах.

Кан Шэн привычно сквозь зубы втянул в себя воздух.

– Я правильно понимаю: Москва не собирается нам помогать? – проговорил он, усмехнулся и добавил: – Скоро вы поймёте, насколько ошибаетесь.

И кривая усмешка скользнула по его губам.

– А можно мне задать вам один вопрос, товарищ Кан Шэн? – спросил Владимиров, понимая, что встреча уже подходит концу.

– Задавайте, товарищ Сун Пин.

– Я уже не раз встречал доктора Ма Хайдэ и у вас, и у товарища Жэнь Биши. Он что, такой популярный среди руководства Особого района?

Кан Шэн удивлённо вскинул белёсые брови.

– Я вижу, этот доктор вам не даёт покоя, – проговорил он, растягивая слова и внимательно глядя в лицо Владимира. – С чего бы это?

– Просто профессиональный интерес журналиста, – ответил Владимир. – Если не хотите, или не можете, не говорите...

– Ну почему же! – задетый, видимо, за живое, возразил Кан Шэн. – Доктор Ма Хайдэ хороший врач... В Яньани он с 1937 года. Действительно, он не китаец, но убеждённый интернационалист... Что ещё вас интересует?

– Больше ничего, – ответил Владимир. – Я могу быть свободным?

– Конечно, товарищ Сун Пин, – ответил Кан Шэн. – Да!.. Я совсем выпустил из вида... Мне доложили на днях, что немецкий посол в Нанкине при марионеточном правительстве Ван Цзинвэя ведёт тайные переговоры с японцами о проведении мирной конференции с участием представителей от Чан Кайши. Если такая конференция состоится, ещё несколько десятков японских дивизий будут переброшены в Маньчжурию. Мы в этом уверены. Я полагаю, эта информация заинтересует ваше руководство, товарищ Сун Пин...

Утро следующего дня выдалось душным. Владимиров успел уже заметить, что понятие утро, как в Москве, здесь не существует. День начинается, как только раскалённый до белизны солнечный шар выкатывает из-за гор, и сразу вместо ночной прохлады приходит жара.

После завтрака, который состоял из рисовых лепёшек с тушёной капустой и чая без сахара, Алеев снял с книжной полки и подал Владимирову тонкую брошюру, напечатанную на желтоватой бумаге.

– Это речь Мао на Пленуме ЦК первого февраля этого года об упорядочении стилей в работе партии, – пояснил он. – Когда я прочитал, у меня сложилось мнение, что не за горами чистка в партии. Не знаю, может я и ошибаюсь, но у меня сложилось такое впечатление.

– Почитаю на досуге, – ответил Владимиров. – А сейчас лучше скажи мне: вчерашняя информация Кан Шэна о переговорах немецкого посла в Нанкине с японцами и представителями Гоминьдана, это провокация Кан Шэна, в расчёте на наш испуг или в самом деле такие переговоры возможны? Алеев неопределённо пожал плечами.

– Всё может быть, – ответил он. – Здесь, на Востоке, порой не такое случается. В один день друг может стать заклятым врагом, а враг – другом. Я в этом уже убедился...

Он ещё что-то хотел сказать, но в это время из радиоузла появился Риммар.

– Пётр Парфёнович, есть интересная новость! – сказал он. – Агентство «Рейтор» сообщило, что утром двадцать седьмого мая в Праге смертельно ранен наместник Гитлера в Чехословакии Рейнхард Гейдрих. Покушавшийся скрылся. В Праге начались повальные аресты и расстрелы! Значит, и там им не рады?

Вопрос Риммара прозвучал наивно, однако Владимиров вполне серьёзно ответил:

– Коля, а где им рады?

– Ну да... – Риммар сконфуженно улыбнулся. – Ну, я пошёл...

Когда за Риммаром закрылась дверь, Владимиров обратился к Алееву:

– Борис Васильевич, подумай, у кого можно хотя бы что-то узнать о докторе Ма Хайдэ? Орлову этого делать нельзя. Сам знаешь почему.

Алеев на какое-то время задумался.

– Пробую поговорить с Чжу Дэ, – наконец произнёс он. – Чжу Дэ хорошо к нам относятся. И у него есть своя информационная служба.

– А если он сообщит об этом Кан Шэну?

– Нет, не сообщит, – уверенно заявил Алеев. – Они между собой не ладят...

...Двадцать девятого мая Алеев, как и говорил, встретил-

ся с Чжу Дэ. Вернулся он к обеду и прямо с порога сообщил:

– Всё в порядке, Пётр Парфёнович! Чжу Дэ просветил меня по поводу этого доктора. В Китай Ма Хайдэ приехал из Новой Зеландии. А родился на Ближнем Востоке. Еврей по национальности. Настоящее его имя – Джордж. Но вот что интересно: зарплату он получает из США. Ежемесячно на его текущий счёт в банке из США поступают деньги из какого-то фонда. Кто платит – Джу Дэ не знает...

– Шпион что ли? – насмешливо спросил Владимиров.

– Наверяд ли... А, впрочем, всё может быть... Но в биографии, так сказать, этого доктора есть ещё одна интересная деталь, – я продолжил Алеев. – Ма Хайдэ привёз в Яньань Кан Шэн!..

Владимиров почему-то не удивился. Но всё же проговорил:

– Вот тебе, бабушка, и Юрьев день...

– Но и это ещё не всё! Чжу Дэ сказал, что в Яньане и во всём Особом районе началась компания под названием Чжэнфын, в ходе которой все без исключения, в том числе и в армии, будут заучивать на память речи товарища Мао Цзэдуна по вопросам культуры, но под лозунгом «За упорядочение трёх стилей».

Владимиров перевёл взгляд на Южина, который в это время что-то искал в своих блокнотах.

– Игорь Васильевич, ты что-нибудь понимаешь?

– Тут всё просто, – ответил тот, не отрываясь от своего

дела. – Всё начнётся с зазубривания речей товарища Мао по культуре, а кончится, как и сказал Борис Васильевич, чисткой партийных рядов. Разве мы подобное не проходили?..

– Ну, всё, всё! – остановил его Владимиров. – Дискутировать будем потом. Я сейчас еду к Кан Шэну. Надо, наконец, определиться с вашей поездкой войска...

...Тридцатого мая радио Токио сообщило о том, что советские укрепрайоны на границе с Маньчжурией являются угрозой для безопасности Японии, и японское правительство не может на это не обращать внимание. И уже на другой день из Харбина прозвучало по радио заявление правительства Маньчжоу-Го о том, что войскам отдан приказ готовиться к «наступательной обороне». Что это означало, можно было только догадываться...

Уже поздно вечером Владимиров отправил в центр шифровку с донесением о происходящем в Маньчжурии, где японцы уже сосредоточили тридцать пехотных и танковых дивизий.

У самого правительства Маньчжоу-Го под ружьём было около трёхсот тысяч человек. Об этом сообщил Владимирову Кан Шэн. По его словам, Маньчжурское правительство могло мобилизовать ещё не менее миллиона человек.

Отправив шифровку, Владимиров вышел на крыльцо и за малым не столкнулся со стариком Чаном.

Старик сконфуженно улыбнулся, извинился, затем ска-

зал:

– Я хочу попросить разрешение у хозяина завести собаку. Кухню надо охранять, двор надо охранять, – объяснил он. – Как холод придёт, с гор спустятся шакалы. Беда от них большая...

– Чан, я для тебя не хозяин. Это, во-первых. Ты просто работаешь у нас. И во-вторых, считаешь нужным завести собаку – заводи.

На следующий день во дворе на привязи у кухни появилась молодая собака. Посмотреть на неё вышли все.

– Как её зовут? – спросил Чана Долматов.

– Никак, – ответил тот.

– Никак – нет такой клички, – возразил Долматов. – Давайте назовём Шариком.

– А может Тузиком? – съязвил Южин. Кличка Шарик ему явно не понравилась. Хотя собачка была пушистая с короткими ушками и симпатичной мордочкой.

– Лучше Шариком, – продолжал стоять на своём Долматов.

– Тоже придумали! – вступил в спор Алеев. – Шарик... Тузик!.. Назовём лучше Рексом...

Пока шёл спор, собака испуганно поглядывала на столпившихся вокруг неё людей.

Спор неожиданным образом прервал старик Чан.

– Это девочка, – сказал он.

У Долматова, Алеева и Южина даже вытянулись лица.

Глядя на них Владимир рассмеялся.

Когда все успокоились, он предложил:

– Давайте её Машкой назовём.

Долматов разочарованно махнул рукой.

– Ну что это за собака... Был бы кобель – другое дело...

И ушёл в дом. За ним последовали Алеев и Южин.

Владимиров остался во дворе.

День был на исходе. Солнце уже потускнело и, окружённое горячим маревом, медленно опускалось к безжизненному горизонту, за которым расстилалась каменная пустыня. Где-то в горах противно затывкали то ли дикие собаки, то ли шакалы, словно, в подтверждение слов старика Чана.

– Там у них много нор, – сказал Чан. – Зимой от холода прячутся, летом от жары... Туда лучше не ходить...

Владимира взглянул на Чана. Маленький, худощавый с морщинистым лицом он выглядел лет на восемьдесят, хотя Владимир знал: Чану не было и шестидесяти лет.

– Чан, – обратился он к старику, – мне сказали, что видели тебя у Кан Шэна. Ты сам к нему ходил или тебя вызывали?

Казалось такой вопрос мог смутить любого, однако Чан не смутился.

– Сам ходил, хозяин... – бесцветным голосом ответил он.

– Зачем?

Старик Чан ответил не сразу. Прошло не меньше минуты, прежде чем он заговорил.

– Мой сын у них в тюрьме сидит... За что, он не знает...

Сказали отпустят, если будет хорошо себя вести... Он у нас с женой один остался. Было пятеро. Трое погибли во время похода сюда, один умер два года тому назад. Остался один... Если хотите, можете прогнать меня. Но поверьте мне – я им ничего плохого о вас не говорил, и не буду говорить...

Глава третья

1

В ночь с первого на второе июня Риммар принял шифровку от «Кедра». В ней сообщалось, что с японских островов в Маньчжурию переброшено ещё три пехотные и одна моторизованная дивизии, а генерал-лейтенант Доихара назначен ответственным за формирование белогвардейских диверсионных групп.

Шифровка тут же была переправлена в Москву.

...На следующий день, ближе к обеду, в доме появился Сяо Ли и сообщил Владимирову, что его срочно вызывает к себе Кан Шэн.

Владимиров был немало удивлён, когда увидел у Кан Шэна Чжу Дэ и Бо Гу.

Лица у всех были мрачные.

«Интересно, – подумал про себя Владимиров, – это что же могло такое произойти, чтобы они собрались вместе?»

Кан Шэн встал из-за стола, вяло пожал Владимирову руку, почему-то справился о состоянии его здоровья, затем предложил присесть за стол рядом с Бо Гу и Чжу Дэ.

– Товарищ Сун Пин, – начал говорить Кан Шэн тусклым голосом, – мы пригласили вас, чтобы сообщить вам важные новости. По нашим сведениям, японцы намерены в ближай-

шее время ввести свои войска на территорию Монголии. Вы догадываетесь для чего это делается?

– Да, товарищ Кан Шэн. На случай войны с нами.

– Совершенно верно, товарищ Сун Пин, – по губам Кан Шэна скользнула довольная улыбка. – Японское руководство, надо полагать, убедилось в том, что им уже ничего не угрожает, и они готовы к нападению на СССР. Поэтому мы, – Кан Шэн обвёл взглядом сидящих за столом, словно призывал их в свидетели, – снова обращаемся к вам: помогите убедить своё руководство в необходимости оказать нам помощь в перевооружение наших армий. Большого мы не просим. Хотя у нас не хватает многого, в том числе и медикаментов. – Кан Шэн умолк. Было заметно, что говорить ему это было нелегко. Он шумно, сквозь зубы втянул в себя воздух и продолжил: – Мы, что бы и кто бы о нас не думал и не говорил, остаёмся верны интернациональному долгу и готовы на сотрудничество с Гоминьданом, несмотря на горький опыт этого сотрудничества в недалёком прошлом...

Кан Шэн говорил и говорил, время от времени поглядывая на молчаливо сидящих Чжу Дэ и Бо Гу и изредка на Владимирова. Казалось, что он больше старается убедить в правоте своих слов себя, а не кого-то другого. Затем он стал говорить о неспособности гоминьдановских войск, несмотря на их многочисленность, противостоять японцам. Однако Владимирова знал: в последнее время войска центрально-

го правительства добились заметных успехов. В ответ на наступление японцев из района Кантона правительственные войска в ходе многодневных боёв прорвали позиции японцев в провинции Хубэй и окружили большую группировку японских войск, часть из которых была уничтожена, а часть взята в плен. В тоже время четвертая и восьмая армии просто бездействовали.

Наконец, выговорившись, Кан Шэн обратился к Чжу Дэ:

– У тебя будет, что к товарищу Сун Пину?

– Будет, – ответил тот. – Я хотел бы спросить. Это верно, что немцам удалось окружить ваши шестую и пятьдесят седьмую армии и разбить их?

За столом наступила такая тишина, что было слышно, как за дверью переговаривались охранники.

– Я не располагаю такими сведениями, – ответил Владимир, чувствуя, как в душу проникает неприятный холодок. Ибо слышал он это впервые.

Кан Шэн хмыкнул.

– Если это действительно так, – продолжил он, – надеяться на вашу помощь навряд ли придётся... – И снова обратился к Чжу Дэ и Бо Гу: – Больше не будет вопросов к товарищу Сун Пину?

– У меня просьба есть, – сказал Бо Гу. – Если получите по своим каналам какую-нибудь информацию... в связи с этими событиями, сообщите нам.

Владимиров пообещал это сделать, попрощался и вы-

шел из кабинета Кан Шэна с ощущением студента, который не сдал зачёт своим экзаменаторам.

...За ужином, когда все собрались за столом, Владимиров неожиданно сказал, обращаясь к Риммару:

– Коля, налей нам по полчашечки... Что-то на душе мурно.

Риммар с готовностью выполнил просьбу Владимира.

Когда все выпили, Орлов, внимательно поглядывая на Владимира, спросил:

– Пётр Парфёнович, что-то случилось?

Владимиров в нескольких словах пересказал содержание разговора, который состоялся у Кан Шэна.

– Ну и что теперь? – не то спросил, не то возразил Орлов. – Война ест война. Даже, если это и так... До конца света ещё далеко!..

2

Седьмого числа произошло сразу два события: Орлова уже официально утвердили в должности заведующего хирургическим отделением, а Алеев с Южиным, наконец, выехали в распоряжение войск восьмой армии.

К этому времени прояснилась и картина на всех театрах боевых действий: Великобритания оказалась в сложном положении. Война на Средиземном море не приносила ей успеха. Значительные силы английское командование было вы-

нуждено привлекать к защите своих коммуникаций, по которым доставлялось сырьё на Британские острова из колоний. Своего сырья в Великобритании было крайне мало.

США к войне в Азии оказались тоже не подготовленными и свои действия ограничивали лишь военно-морскими операциями и ударами авиации.

Единственной страной, которая в это время изо всех сил сопротивлялась немецко-фашистскому нашествию и представляла угрозу для Японии, был Советский Союз. И поэтому Владимир был уверен: случись сегодня серьёзное поражение Красной Армии, и уже завтра японцы, как и Гитлер, без объявления войны нападут на СССР с целью заполучить Сибирь.

К японской, широко распространённой среди населения страны идеи «Азия только для азиатов!», теперь присоединилась другая идея: «Сибирь для японцев!».

...В последнее время все попытки Владимира встретиться с Мао Цзэдуном заканчивались неудачей. Его вежливо встречали и вежливо говорили, что председатель товарищ Мао Цзэдун занят и не может его принять.

...Восьмого июня уже поздно вечером вернулся из госпиталя Орлов. От ужина отказался. Выпил только чай. И сказал:

– ...Кан Шэн установил за мной слежку. Я случайно обнаружил...

– Может ты ошибся? – засомневался Владимир.

– Нет, Пётр Парфёнович, – возразил тот. – Я проверил, – спокойно, даже как-то равнодушно, продолжил Орлов. – Санитар мой... Да! Вот что ещё! В компании по упорядочиванию трех стилей в работе партии стали упоминать «московскую группу» догматиков. Об этом мне сказал Ван Цзинвэй. Он сегодня приезжал ко мне с нарывом на ступне ноги. Он прямо не сказал, но по его словам, я понял, что в «московскую группу» догматиков входят Вам Мин, Бо Гу и многие из тех, кто в разное время учился в Москве.

Владиминова это не удивило. Всё шло к тому.

– Мишенью выбраны люди, которые стоят на позиции Коминтерна, – сказал он. – Так надо понимать?

– Видимо так, – согласился Орлов. Допил свой чай и продолжил: – Два дня тому назад из расположения частей восьмой армии привезли троих больных младших командиров. У всех лёгочные заболевания. Я беседовал с ними. И понял, что с японцами они не собираются воевать. Японцы их тоже не трогают. Вся агитационная работа в войсках направлена против Гоминьдана. Вот и делай выводы.

Владимиров усмехнулся.

– Час от часу не легче... – Обронил он. – надо пробиваться к Мао и поговорить с ним. Интересно, что он скажет...

– Тоже и скажет, – махнул рукой Орлов и вдруг оживился. – Сегодня ко мне заходила жена Ма Хайдэ. Зовут её Су Фи. Очень привлекательная женщина. Правда, вела себя слишком привольно...

– Это как? – уточнил Владимиров.

– Развязано, – односложно пояснил Орлов. И добавил: – И даже пыталась меня старого пня очаровать.

– Так это же хорошо, Андрей Яковлевич! – рассмеялся Владимиров. – Значит ты напрасно считаешь себя старым пнём!

Однако Орлов не воспринял шутку Владимирова.

– После её ухода, – продолжил он, – ко мне заглянул один из моих хирургов и кое-что рассказал о ней... В общем, особа ещё та! И что интересно – она является подругой Цзян Цин! Как это тебе нравится?

Владимиров внимательно посмотрел на Орлова.

– Да-а-а... – проговорил он задумчиво. – Это уже интереснее, чем появление у тебя главы правительства Ван Цзинвэя с нарывом на ступне. Это что же выходит... Ма Хайдэ появляется в Яньани вместе с Кан Шэном и Цзян Цин. Та попадает на глаза Мао, надо полагать, не без участия Кан Шэна. Мао, вопреки мнения политбюро, жениться на Цзян Цин...

– Подруге Су Фи! – добавил Орлов.

Владимиров слегка развёл руки.

– Занимательная история! Теперь я понимаю, почему даже Чжу Дэ осторожничает с Ма Хайдэ, хотя и подозревает его в том, что тот чей-то агент...

После того, как Орлов ушёл к себе, Владимиров внезапно почувствовал, как тоскливая волна стала заполнять его душу. Он не ожидал от тебя такого. Решил, что сдают нервы.

Однако каким-то шестым чувством уже понимал: сказываются натянутые отношения с местным руководством, которые кем-то подогреваются.

Владимиров настолько был поглощён своими не весёлыми мыслями, что не сразу услышал голос Долматова.

– ...Пётр Парфёнович! Ты слышишь меня?.. – с тревогой в голосе спросил он. – Я уже дважды к тебе обратился!

– Извини, Леонид Васильевич... Задумался. Что у тебя?

– Агентство «Рейтер» передало сообщение, что на Севере Африки, в районе Эль-Адем идут ожесточённые танковые бои между Роммелем и англичанами...

– А у нас что? – прервал его Владимиров.

– Ничего, Пётр Парфёнович, – ответил Долматов. – Какой уже день молчат...

– Плохо... – Владимиров встал и медленно прошёлся по комнате. Без надобности передвинул на столе с места на место подсвечник. Пламя свечи испуганно вздрогнуло и за малым не погасло. – Вот так и в жизни... – Проговорил он. – Горит человек ярким пламенем, пока к нему не коснётся чья-то недобрая рука...

– Пётр Парфёнович, ты это о чём? – не понял Долматов.

– Так... Ни о чём, – усмехнувшись, ответил тот. – Пойду-ка я подышу свежим воздухом перед сном грядущим, а то уже вторую ночь в голову чёрт знает, что лезет...

Когда Владимиров вышел во двор, его поразило высокое небо, усеянное множеством ярких звёзд. Они мерцали в вы-

шине завораживающим светом и казались неестественными, словно чья-то могучая рука сотворила это чудо для всех людей. Со стороны гор уже веяло прохладой, и воздух, раскалённый днём до того, что им трудно было дышать, сейчас приятно освежал грудь. Где-то в ущелье «запели» шакалы. Их пронзительные голоса доносились в долину и заставляли местных собак испуганно умолкать.

Владимиров невольно вздрогнул, когда совсем рядом раздалась лёгкие шаги, и из-за угла дома появился старик Чан с собакой.

– А ты почему домой не пошёл? – спросил Владимиров, стараясь в темноте разглядеть лицо старого китайца.

– Я ребят домой отпустил, – ответил тот. – Один ещё днём ушёл. Ему надо крышу на доме починить. Лето кончится, дожди придут. А у другого отец заболел. Очень заболел. Пусть побудет с ним...

– А ты решил сам нас караулить? – уточнил Владимиров, тронутый до глубины души проявленной заботой старика Чана.

– Приходится, хозяин, – ответил тот.

– Чан, я тебя уже просил не называть меня хозяином. Ваши хозяева в Европе и Маньчжурии, и кое-кто ещё дальше, – стараясь как можно убедительнее, сказал Владимиров.

– Как прикажете, хозяин, – согласился Чан и добавил. – Я днём тут видел человека... На китайца совсем не похожий, на японца не похожий и на европейца не похожий...

– И кто он? – нетерпеливо прервал Чана Владимиров.

– Скорее всего, он из Монголии, – невозмутимо продолжил старик. – Больно уж близко подходил к дому. Высматривал что-то. Долго высматривал. Потом как сквозь землю провалился. Скорее всего, в ущелье спустился и по ущелью ушёл. С добрыми намерениями человек не скрывается от людских глаз, – Сделал заключение Чан.

Владимиров согласился с ним, однако серьёзно к рассказу старика не отнёсся. «Мало ли кто бродит в окрестностях», – решил он про себя. Однако уже через два дня Долматов сообщил, что на горе кто-то пытался снять фидерное устройство на антенне...

3

Наконец, десятого июня, Владимирова пригласили к Мао Цзэдуну.

И произошло это следующим образом: во второй половине дня в доме неожиданно появился Кан Шэн. Поздоровался со всеми, огляделся по сторонам и сказал:

– Хорошо устроились... – потом обратился к Владимирову. – Товарищ Сун Пин, сегодня в девять часов вечера вас будет ждать председатель, товарищ Мао. Если у вас накопились к нему вопросы, заранее продумайте, о чём спрашивать, потому как на ваш приём отводится всего полчаса.

Всё это он произнёс серым будничным голосом, ещё раз

осмотрел комнату и направился к выходу, но у двери остановился и сказал:

– Я слышал, кто-то пытался вывести из строя вашу антенну... Скорее всего, это были люди, которые промышляют воровством и разбоем. Придётся их, как гоминдановских шпионов, расстреливать...

Владимиров успел заметить в прищуренных глазах Кан Шэна, как на какое-то мгновение в них мелькнули хитрые искорки, и он вдруг понял: Кан Шэн знает, чьих это рук дело.

...В девять часов вечера Владимир уже был у Мао Цзэдуна. Пожимая ему руку, Мао поинтересовался самочувствием Владимира, затем добавил:

– ...Тут у нас от жары можно с ума сойти. Или любую болезнь подхватить. Хотя вам, товарищ Сун Пин, – Мао эти слова подчеркнул особенно, – никакая болезнь не угрожает. У вас есть свой доктор. Мне доложили, что он очень старается наладить работу хирургического отделения нашего госпиталя. Это хороший пример для наших врачей... – Мао на этом месте прервал свою речь, взял со стола пачку сигарет, извлёк одну и неторопливо прикурил от свечи, стоящей в центре стола в старинном бронзовом подсвечнике.

Мао Цзэдун, видимо, перехватил взгляд Владимира на подсвечник и пояснил:

– Цзян Цин на рынке купила... Ей нравятся такие вещи... Я вспоминаю иногда трудности, которые нам пришлось преодолевать во время перехода из Цзинчана сюда... Да, мы по-

теряли тогда многих верных своих товарищей. Гоминдановцы шли за нами по пятам, не давая нам возможности остановиться и отдохнуть... Сегодня у нас снова достаточно большая армия, однако она требует постоянного внимания. Надо перевооружиться, хорошо одеть и обусть, кормить солдат и командиров, заботиться о их семьях. Всё это не так просто. Мы уже обращались в Москву с просьбой оказать нам помощь, хотя я и мои товарищи понимаем, что и вам трудно. Мы будем терпеливо ждать, – Мао затянулся дымом, стряхнул пепел сигареты прямо на пол и продолжил. – Когда японцы напали на нас, мы помирились с Чан Кайши. Я простил ему даже казнь моей супруги. Мы надеялись, что вместе дадим отпор захватчикам и освободим нашу многострадальную землю от иностранных захватчиков. И мы добились заметных успехов. Однако Чан Кайши чего-то испугался и пошёл на сепаратные переговоры с японцами. КПК для него была страшнее японских фашистов... И он вероломно обрушился на нас...

– Мао снова прервал свою речь и пристально посмотрел на Владимирову, словно хотел убедиться, что его слова доходят до сознания человека, на помощь которого он рассчитывал. – Я знаю, зачем вы здесь. – Вдруг сказал он. – Москве и исполкому Коминтерна надо, чтобы мы с Гоминьданом выступили единым фронтом против японцев. Мы не против. Но где гарантия, что Чан Кайши снова не предаст нас? Я скажу вам откровенно: нам здесь виднее, чем из Москвы, что

делать. На нашей стороне истина. Знаете, в чём её сила? Вы пытаетесь её опровергнуть, но сами ваши опровержения выходят выше её. – Мао потушил в пепельнице сигарету, достал новую, но прикуривать не стал. И продолжил: – Многие наши товарищи не понимают, почему Сталин так верит Чан Кайши и не верит нам. Вы можете мне объяснить?

И снова Владимирова ощутил на себе внимательный взгляд Мао.

– Вы, наверное, знаете, что сейчас в Чунцине находится большая американская делегация для подписания нового договора об оказании Чан Кайши военно-технической – и финансовой помощи. Мне некоторые товарищи советуют тоже обратиться к США с просьбой о помощи, но тогда это пойдёт вразрез с политикой Москвы в Китае. Разве я не прав? – И, не дожидаясь ответа от Владимирова, сам ответил: – Прав!

В это время из кухни вышла Цзян Цин с подносом, на котором стояли фарфоровые чашки с чаем. Мило улыбнулась Владимировой, сказала Мао: «Извини». Поставила поднос на край стола и удалилась на кухню.

– Берите чай, товарищ Сун Пин, – предложил Мао Цзэдун, чуть заметно чему-то усмехнувшись. Подождал, когда тот взял чашку с чаем, взял свою и, шумно отхлебнув, с явным удовольствием произнёс: – Моя жена прекрасно заваривает чай. – Поставил чашку на стол и продолжил: – У нас внутри партии есть люди, которым не терпится, невзирая ни на что, идти на примирение с Гоминьданом на любых усло-

виях. Но вы же сами понимаете: этого делать нельзя! Нас бросят в бой, как бросают на убой штрафные батальоны! Есть и другие. Они за полный разрыв отношений с Гоминым. Однако и это делать нельзя. Есть и третья группа людей. Я называю их субъективистами, потому что они потеряли веру в нашу революцию и пытаются искать какие-то новые пути. К моему великому сожалению, к этой группе относятся и один из моих старых товарищей по многолетней борьбе Чжоу Эньлай... Он хороший политик, но этого мало. Искусство быть политиком непростое. Оно требует от человека и ума, и хитрости, и даже коварства ради достижения поставленной цели. Вы можете со мной не согласиться. Это ваше право. Но я в этом уверен, ибо на своем горьком опыте убедился в этом...

Владимиров отметил про себя, что Мао за всё время разговора первый раз назвал имя человека.

– ...В таких непростых условиях, – продолжил Мао Цзэдун, – мы вынуждены наводить порядок в нашей партии, совершенствовать стиль своей работы. В противном случае мы будем похожи на корову, которая вышла на скользкий лёд и не может сдвинуться с места...

По-видимому, это сравнение понравилось и самому Мао, потому, как он вдруг улыбнулся и обратился к Владимирову:

– Скажите мне только откровенно, как вы поступили бы на моём месте?

Этот вопрос Мао Цзэдун задал, скорее всего, с расчётом

на то, что Владимиров не сможет на него ответить. Однако он ошибся.

– Для того, чтобы ответить на ваш вопрос, – сказал Владимиров, – надо хотя бы мысленно пройти с вашими товарищами весь тяжкий путь, который вы прошли с ними. И даже это не является гарантией того, чтобы не ошибиться в них.

Мао внимательно выслушал Владимирова и усмехнулся.

– Вы умный человек, товарищ Сун Пин, – сказал он. – И с вами приятно говорить. Я время от времени перечитываю нашего великого мыслителя Конфуция. Его учение оказало большое влияние на культуру не только китайского народа, но и народов всей Восточной Азии и даже Западной Европы. Оно стало главным в формировании жизни и поведении не только князей, чиновников, военачальников, но и простых людей. Даже после падения империи Цин, где учение Конфуция было признано главным в истории нашего народа, конфуцианство оставалось идеологией всех последующих государств, пришедших на смену империи Цин. И это учение торжествовало до середины двадцатого века, не уступая даже буддизму. Нередко конфуцианство называли религией, но это неверно, – Мао решительно качнул головой. – В учении Конфуция нет и малейшего признака религии. Согласитесь со мной, это скорее этика. Потому как главной целью учения Конфуция является формирование гармонично развитого общества, в основе которого заложены в первую очередь идеи преданности, уважения между подчинёнными

и начальниками, какие бы посты они не занимали. Скажите, товарищ Сун Пин, разве это не справедливо?

– Справедливо, – согласился Владимиров.

– Вот, вот! – оживился Мао Цзэдун. – И это очень важно! Конфуций оставил нам в наследство одно из золотых правил. не делай другому человеку то, что не желаешь себе! Разве это не мудро?

– Мудро, – снова согласился Владимиров. И, воспользовавшись паузой, которую сделал Мао, заметил: – Вы сказали о влиянии учения Конфуция на развитие культуры Западной Европы. Как тогда понимать критическое отношение к конфуцианству известного в то время немецкого историка Иоганна Гердера и философа Гегеля?

Мао Цзэдун с нескрываемым удивлением посмотрел на Владимирова, хмыкнул и проговорил:

– Я вижу, вы знакомы с конфуцианством и его распространением в Западной Европе. Следовательно, должны знать мнение и других европейских учёных, которые стали известны только благодаря пропаганде учения Конфуция в своих странах. Вам что-нибудь говорит имя Филиппа Купле? – и, не дав Владимирову ответить, продолжил: – Он долгое время жил в Китае. А в 1686 году вернулся на Родину в Версаль. И с того времени привезённое им во Францию учение Конфуция стало покорять умы европейских философов, и даже был сделан перевод трудов Конфуция на многие европейские языки! А вы говорите мне про какого-то Гегеля... –

Мао встал из-за стола, прошёл в дальний угол комнаты и уже оттуда продолжил. – Нам стало известно, что ваш министр иностранных дел Молотов совершил визиты в Лондон и Вашингтон. Я могу понять Сталина в данный непростой момент, но позвольте спросить, что будет потом? Непримируемые враги никогда не станут вашими друзьями. Всегда найдётся та чёрная кошка, которая перебежит вам дорогу...

4

Последние дни Долматов и Риммар не отходили от радиоприёмника сутками. Он теперь был основным источником информации о том, что происходило и на китайско-японском театре военных действий, и за пределами Китая.

...Двенадцатого июня японская радиостанция сообщила о массированном налёте американских тяжёлых бомбардировщиков на Токио, больших разрушения в городе и многочисленных жертвах среди местного населения.

Это сообщение вызвало у Владимирова смутное чувство раздражения, но отнюдь не радости... Когда гибли женщины, дети и старики, даже в условиях войны – это было чем-то противоестественным.

Налёт американских бомбардировщиков был совершён с аэродрома в провинции Чжэцзян. И словно в отместку за налёт на Токио, два дня спустя японцы начали мощное наступление из района Хинчжоу в Юго-Западном направле-

нии. В результате кровопролитных боёв обороняющиеся под Цзиньхуа китайские войска были окружены и уничтожены все, даже те, кто сдался в плен.

В Бирме между японцами и союзниками время от времени происходили только воздушные бои.

Шестнадцатого июня американское агентство «Ассошиэйтед Пресс» передало сообщение о морском сражении у острова Мидуэй, которое закончилось разгромом японского флота. В ходе сражения японцы потеряли четыре авианосца, несколько крейсеров и более трёхсот самолётов. По сообщению Совинформбюро, на советско-германском фронте существенных изменений не произошло. И это вызывало тревогу и у Владимира, и у его товарищей.

– ...Лучше бы что-то происходило, – высказался Алев. – Всё легче было бы на душе...

Из бесед с Мао, Бо Гу, Чжу Дэ и другими китайскими руководителями, у Владимира постепенно сложилось устойчивое мнение: большинство руководство Особого района видят в Коминтерне, если не своего врага, то помеху, от которой надо избавляться. И это ещё больше усугубляло настроение.

В поддержку линии Исполкома Коминтерна о выступали только Ван Мин, Бо Гу, Ло Фу и ещё несколько членов ЦК КПК.

Всё это наводило на мысль: впереди бескомпромиссная борьба и за власть в партии, и за будущее Китая. И Чжен-

фын – прелюдия в этой борьбе.

...После встречи с Мао десятого июня Владимирова неожиданно через два дня снова пригласили к Мао Цзэдуну. На вечеринку. Владимир немало удивился, когда среди приглашённых увидел доктора Ма Хайдэ с супругой Су Фи.

Завидев Владимирова, Цзян Цин взяла Су Фи под руку и подвела её к Владимирову.

Су Фи действительно была очаровательна и, надо полагать, знала себе цену.

– Товарищ Сун Пин, – обратилась Цзян Цин к Владимирову, – разрешите представить вам мою лучшую подругу Су Фи. Она уже наслышана о вас и просила меня познакомиться с вами. Я своё слово сдержала, – сказала она Су Фи. – Вы пока беседуйте, а я пойду на кухню распорядиться. Все гости уже в сборе.

И ушла.

Однако побеседовать Владимирову и Су Фи не удалось. К ним тут же подошёл Кан Шэн и, извинившись перед Су Фи, отвёл Владимирова в сторону.

– Мне надо вас предупредить, товарищ Сун Пин, – сказал он и оглянулся в сторону Су Фи. – Это роковая женщина... Она приносит мужчинам одни неприятности... Имейте это в виду... – и вдруг весело рассмеялся. – Я пошутил. Я хочу сказать вам другое. В Чунцине ожидается прилёт ещё одной высокопоставленной делегации из США. – И Кан Шэн поднял вверх указательный палец правой руки. – Надо полагать,

у американцев свои планы на Китай. И эти планы на вряд ли совпадают с планами Москвы. Думайте! – Он снова оглянувшись в сторону, где стояла Су Фи. К ней в это время подошёл Ма Хайдэ. Затем продолжил: – Я понимаю, не вы всё решаете, однако и от вас многое зависит...

...Вспоминая теперь об этой вечеринке, Владимиров не мог отделаться от мысли о том, что затеянный в Особом районе Чженфын может быть не только «чисткой партии», как тут уже говорили, открыто, а прелюдией к изменению курса всей политики руководства Особого района.

...В ночь с восемнадцатого на девятнадцатое июня Риммар принял шифровку от «Кедра». В ней сообщалось о прибытии в Маньчжурию специального уполномоченного японского императора, его брата принца Такамада и о встрече принца с командующим Квантунской армией и генералами Главного штаба.

Сообщение «Кедра» было передано в центр.

На следующий день Владимирова пригласил к себе Кан Шэн и сразу заявил, как только тот переступил порог его кабинета:

– Вот видите, товарищ Сун Пин, до чего доводит недалёковидная политика Москвы! – Он шумно, с раздражением втянул в себя сквозь зубы воздух и продолжил: – Вы помогаете Чан Кайши, а что получается? Ни-че-го! Японцы на днях без труда взяли город с миллионным населением Цзиньхуа и почти всю провинцию и повели наступление на другой го-

род – Цюичжоу! А что делает Чан Кайши? Что он делает? Бежит отовсюду!..

Владимиров терпеливо выслушал Кан Шэна и, когда он уже выдохся, спокойно спросил:

– Что вы хотите от меня?

В глазах Кан Шэна на какое-то мгновение мелькнули злобные огоньки, но он тут же взял себя в руки.

– Я хочу, – начал говорить почти свистящим шёпотом Кан Шэн, – чтобы вы здесь, и в Москве, наконец, поняли, кто ваш друг, а кто враг!..

И умолк.

Этим и воспользовался Владимир.

– Товарищ Кан Шэн, – сказал он всё тем же спокойным голосом, хотя гнев и негодование распирали его изнутри, – мы, здесь, всего лишь корреспонденты ТАСС...

– Товарищ Сун Пин! Об этом вы можете говорить старику Чану! – прервал его Кан Шэн. – А мне не надо голову морочить!.. Да! Кстати!.. Его сына мы уже освободили. И если старик вам не нужен, можете избавиться от него!..

– Пусть работает, – ответил Владимир. – Он нам не мешает...

По всей видимости, Кан Шэн не ожидал от Владимира такого ответа, потому как его белёные брови слегка приподнялись вверх и на лице появилось удивление.

– Вот как... – удивлённо обронил он.

– Мы уже привыкли к нему, – добавил Владимир.

Кан Шэн махнул рукой и отошёл в дальний угол своего кабинета, и уже оттуда проговорил.

– Ну как хотите... Что-то я ещё хотел сказать... – Кан Шэн наморщил лоб. – Ах, да! Вспомнил!.. Я прошлый раз говорил вам о Су Фи... Ну о супруге доктора Ма Хайдэ...

– Помню...

– Забудьте об этом. Она просто несчастная женщина...

Двадцатого числа из своей «командировки» вернулись Алеев и Южин.

Владимиров был рад безмерно. Вернулись здоровыми и невредимыми – как выразился Долматов.

Поездка в войска восьмой армии была сопряжена со многими трудностями, ибо районы, через которые они добирались, местные власти не контролировали в силу своей слабости. И на дорогах зачастую хозяйничали бандиты. То впечатление, с которым Алеев и Южин вернулись, привело Владимира в удручающее состояние: по словам Южина, везде, где они побывали, воинские части больше походили на военизированные поселения, чем на армию.

А Алеев добавил:

– ...Пётр Парфёнович, ты знаешь, чем они занимаются? Опиумом!.. Выращивают целые поля мака, которые закреплены за подразделениями. Перерабатывают и продают!.. А из вырученных денег выплачивают денежное содержание военнослужащим. Такого я не мог себе представить даже в страшном сне. А у вас как тут?

Владимиров коротко рассказала о своих встречах с Мао и Кан Шэном и местных новостях.

– ... У меня такое предчувствие, – сказал он, – что мы скоро можем оказаться нежелательными свидетелями происходящих здесь событий, – добавил он.

– Интересно... – усмехнувшись, проговорил Алеев и тут же спросил. – А что нового на наших фронтах?

– Пока без перемен, – ответил Владимиров. – Бои идут в Крыму. Севастополь держится... Если судить по передачам иностранных радиостанций, немцы готовятся к наступлению и с территорий Норвегии и Финляндии. Концентрируют в их водах свои транспортные суда... Правда, есть и обнадеживающие новости. – Продолжил Владимиров. – Возможно, скоро американские самолёты будут перебрасываться к нам через Аляску...

– А что взамен? – не стерпел Южин.

Владимиров пожал плечами.

– Ребята, я вам не Молотов!..

Уже ближе к вечеру приехал Орлов.

Несколько дней тому назад ему снова предложили перебраться в госпиталь – настояло руководство. Все врачи жили при госпитале. Даже семейные. Поприветствовав Алеева и Южина, Орлов сказал, подмигнув Владимирову:

– А мы с Пётром Парфёновичем уже думали, что вы остались на службе в китайских войсках...

Алеев в ответ укоризненно качнул головой.

– Андрей Яковлевич, что мы тебе сделали плохого?

– Всё понятно... – догадался Орлов. И обратился к Владимиру. – Пётр Парфёнович, хочешь новость? Сегодня у меня были Цзян Цин и Су Фи. Цзян Цин по делу, а Су Фи, как я понял, за компанию...

– Ты, сказал Цзян Цин, была по делу? – уточнил Владимир.

– По женскому, – пояснил Орлов. – У неё есть некоторые проблемы со здоровьем... – И вдруг спросил: – У вас чаем угощают?

– Угощают, Андрей Яковлевич. Извини, – ответил Владимир и попросил Риммара принести с кухни Орлову чай. И тут же поинтересовался: – Может, ты с нами и по ужинаешь?

– Нет, спасибо, – ответил тот. – Я к вам на несколько минут... Так вот, а вчера был у меня на обследовании Ван Мин. Пока я его слушал, он рассказал, что ещё в 1937 году в руководстве КПК начались осложнения. Появились две группы. Одну возглавил Чжоу Эньлай, а другую – Лю Шаоци с разными взглядами на дальнейшую политику партии. По его мнению, борьбу внутри партии мог организовать только Мао, с целью избавиться от своих соперников таким образом. Он уверен, что и сегодняшняя компания Чжэнфын – это не что иное, как попытка Мао укрепить своё положение в партии и поднять авторитет, который пошатнулся в последнее время. И ещё, – продолжил Орлов, – Ван Мин полагает: на этот

раз главный удар будет нанесён по тем кадрам, которые прошли подготовку в Москве...

Владимиров не удивился.

– Желтый Дракон расправляет крылья... – проговорил он. И добавил: – Ты знаешь, Андрей Яковлевич, возможно я ошибаюсь, но то, что сейчас происходит здесь, это как бумеранг на наши отношение и к руководству КПК, и к их проблемам. Другими словами, это я не назову. У китайцев говорят: «Не бойся, что не знаешь. Бойся того, почему не научился». Мне кажется, за всё время наших отношений с ними, мы так ничему и не научились...

Глава четвёртая

1

Вся вторая половина июня выдалась нестерпимо жаркой. С раннего утра до позднего вечера над долиной стояло удушающее марево и, казалось, всё: пыльная земля, воздух и даже горы раскалились настолько, что вот-вот начнут плавиться. Ночная прохлада приходила только к рассвету, и то на полтора-два часа.

Больше всех страдали от жары Риммар и Аллеев. Долматов и Южин переносили её легче. Орлов всем на удивление, акклиматизировался быстро. Владимиров чувствовал себя сносно, если не считать временами возникающие боли в пояснице.

Орлов сказал, когда Владимиров пожаловался на боль в пояснице:

– Это дают знать о себе почки... Лечить надо...

Но всё это было для Владимирова пустяком по сравнению с растущим, почти враждебным отношением к ним со стороны руководства Особого района. Владимиров догадывался, откуда дует ветер. Однажды в разговоре с Бо Гу тот прямо высказался:

– ...А что вы хотите? Наше руководство до последнего момента надеялось получить от Москвы хотя бы какую-нибудь

военно-техническую помощь. В результате получили вежливый отказ...

– Но ваше руководство должно понимать, что СССР воюет, а оружие Мао нужно для войны с Гоминьданом! Разве это не так?

Бо Гу безнадежно развёл руки. Простой вопрос Владимирову для него оказался болезненно трудным.

– Вы правы, товарищ Сун Пин, – произнёс он. – Но об этом у нас не принято говорить. И даже думать. Ибо сразу будете причислены к разряду догматов, оппортунистов и прочих врагов китайской революции. Больно и обидно... Тысячи честных и преданных нашему делу товарищей погибли: одни в гоминдановских застенках, другие в боях с японскими интервентами. А в результате мы получили то, что имеем... Время показало: люди не всегда бывают теми, кем казались...

– Но вы же не один! – возразил Владимиров.

Бо Гу в ответ грустно усмехнулся.

– Да, не один... Но на их стороне вероломство, двурушничество и предательство, с которыми зачастую бороться невозможно.

Последние слова Бо Гу произнёс настолько отрешённо, что Владимирову стало не по себе.

– А вы что думаете о Кан Шэне? – спросил Владимиров. – Он действительно имеет безграничное влияние на Мао?

Бо Гу не задумываясь, ответил:

– Этот человек без чести и совести. Если ему поступит приказ порезать вас на кусочки, он без колебания это сделает... Однако Кан Шэн без поддержки Мао пустое место...

Владимиров кивнул головой.

– Я это уже понял... – сказал он.

– Что касается самого Мао, – продолжил Бо Гу, – то в нём столько тёмных пятен, которые он старательно скрывает за своей доброжелательностью, что их хватило бы на сотню людей... – Бо Гу вдруг улыбнулся и продолжил: – когда я учился в Москве, однажды в беседе с вашим писателем Шолоховым услышал от него слова: «Яблоко от яблони далеко не падает». Он сказал, что так говорят русские. Мудрые слова. Вы, по всей видимости, знаете, что наш председатель родился и воспитывался в деревенской, но очень зажиточной семье, и его отец Жэн Шэнь держал много батраков, которые гнули на него спины за чашку соевой похлёбки. Вы спросите, почему я вам об этом говорю? Потому что многое передаётся от родителей детям. Ну, может быть, за редким исключением, – добавил Бо Гу. – Надеюсь, теперь вы убедились в том, в чём ещё сомневались...

Уже поздно вечером, когда все разошлись по своим комнатам, Владимиров вышел из дома, постоял на крыльце, прислушиваясь к тому, что происходило у него внутри. И вдруг почувствовал, как в душу закрадывается какая-то щемящая тревога.

Он начал перебирать мысленно всё, что заставило его так

встревожиться, и не находил явных причин для такой тревоги. За исключением разве что враждебного отношения к ним со стороны руководства Особого района. Постояв немного на крыльце, Владимиров вернулся в дом, решив про себя: «Утро вечера мудренее...».

...Было уже около двенадцати ночи, когда из радиоузла вышел Риммар. Увидел Владимирова за столом с кружкой холодного чая и удивлённо спросил:

– А почему вы не спите, Пётр Парфёнович?

– Душно, Коля... Потому, наверное, и не спится... Что у тебя?

– От «Кедра» шифровка пришла, – ответил Риммар и положил на стол перед Владимировым текст шифровки.

«Кедр» сообщал, что по данным японского Генштабом на советско-маньчжурской границы уже закончены все приготовления к боевым действиям, а в Японии идёт спешное формирование моторизованных дивизий, состоящих из тяжелых танков и бронетехники.

Прочитав сообщение, Владимиров попросил Риммара перешифровать текст, и сразу отправить в Центр.

Когда Риммар ушёл, Владимиров посидел ещё немножко. Он вдруг вспомнил последний разговор с Кан Шэном. Тот сообщил, что японцы ещё в мае перебросили на Северо-Запад Китая тридцать дивизий. Эти дивизии, скорее всего, они планировали использовать против СССР в случае начала боевых действий. Кан Шэн сообщил Владимиру и о переста-

новках в правительстве Японии. Где главой правительства был назначен генерал Годзио.

Владимиров знал: этот генерал в 1935 году был начальником жандармерии Квантунской армии и отличался особой жестокостью при подавлении выступлений населения в Маньчжурии. Было также известно, что генерал Тадзио – один из самых ярых антисоветчиков и сторонник войны с Советским Союзом.

...Утром за завтраком зашёл разговор о полученной ночью шифровки от «Кедра».

– ...Этого и надо ожидать, – проговорил Южин, и тут же обратился к Аллееву. – Борис Васильевич, скажи: почему тебя заинтересовала Цзян Цин?

Алеев даже переменялся в лице.

– Орлов проговорился?... Вот человек!.. Просил же его никому не говорить!..

– И всё-таки, – стоял на своём Южин.

Владимиров тоже с интересом посмотрел на Алеева.

– Колись, Борис Васильевич, – сказал он. – Южин всё равно от тебя не отстанет.

Алеев махнул рукой.

– Ладно... Любопытные варвары... Один мой знакомый местный газетчик рассказал ещё до нашей поездки в войска, что Цзян Цин тщательно скрывает многое из своего прошлого. По словам этого газетчика, была у Цзян Цин одна подружка. Ещё до Су Фи. Которая знала о ней буквально всё. Но два

года тому назад эта подруга пропала... Ещё он рассказал, что когда Цзян Цин исполнилось семнадцать лет, она действительно сбежала из дома вместе с бродячей труппой актёров. В 1930 году вышла замуж за сына богатого купца, но вскоре родственники мужа выгнали Цзян Цин из дома. Кто-то сообщил им о её любовных приключениях, когда она гастролировала с труппой бродячих актёров. Через год Цзян Цин снова вышла замуж, но уже за руководителя местного коммунистического подполья Кай-вэя. В это время, по словам газетчика, Цзян Цин и познакомилась с Кан Шэном. И стала его любовницей. Весной 1933 года гоминдановцы арестовали её мужа. Цзян Цин намеревалась бежать из города, но не успела и тоже была арестована. Через три месяца её освободили. Помог Кан Шэн. Каким образом, никто не знает. По городу ходили слухи о том, что Цзян Цин была завербована гоминдановцами. Основанием для таких слухов стал тот факт, что после освобождения Цзян Цин стала получать в театре и в кино от Лиги культуры, подконтрольной Гоминьдану, хорошие роли. В это время Цзян Цин снова выходит замуж за молодого театрального критика по имени Тан На, рождает ему двоих детей, а в 1938 году сбегает от него сначала в Чунцин, а затем в Яньань. Я просил Орлова, если может, узнать, насколько всё это верно, – закончил свой рассказ Алеев.

– Д-а-а... – насмешливо протянул Южин. – Нет печальнее истории на свете...

– Бедная Цзян Цин! – тоже насмешливо проговорил Дол-

матов.

И только Владимиров остался серьёзным.

– Я полагаю, Борис Васильевич прав, – сказал он. – К Цзян Цин надо повнимательнее присмотреться. Слишком много всего на неё сходится...

2

На следующий день во дворе появился Сяо Ли. Осмотрелся по сторонам, потом некоторое время наблюдал за тем, что делали старик Чан и его помощники у кухни, и только после этого вошёл в дом.

Его встретил Долматов. Владимиров с Риммаром находились в радиоузле. А Южин и Алеев только что вернулись из женской гимназии, куда они ездили на встречу с Ван Мином.

Сяо Ли увидел на столе обед, приготовленный поваром и шумно втянул в себя воздух.

– Обедать собираетесь? – спросил он и кивнул на миске с рисовой кашей и жирной свининой, которую старик Чан купил на рынке день тому назад.

– Собираемся... – Ответил Долматов.

В это время из радиоузла вышел Владимиров. Сяо Ли поздоровался с ним и по его лицу расплылась улыбка.

– А я к вам в гости приехал... – проговорил он протяжно.

– Значит присаживайтесь к столу, – пригласил Владими-

ров. – Гостям мы всегда рады...

– Особенно таким, как вы! – добавил Долматов и обратился к Владимирову. – Может, товарищу Сяо Ли организовать «наркомовские»?

– Я думаю можно, – согласился Владимиров.

Сяо Ли расплылся в улыбке.

Пока рассаживались все за стол, Долматов поставил перед Сяо Ли миску с рисовой кашей и стакан с разведённым спиртом.

Алеев тоскливо отвёл глаза в сторону и тяжело вздохнул.

– Где бы мне в гостях побывать, – проговорил он.

– Ещё побываешь, – ответил Владимиров. А сегодня нашим гостем является товарищ Сяо Ли.

За обедом Сяо Ли захмелел и разговорился. Сначала он хвалил Мао Цзэдуна. Назвал его самым мудрым из всех руководителей Особого района. Затем стал хвалить Кан Шэна.

– ... У него всё вот тут! – проговорил он и сжал кулак. – Сам товарищ Мао советуется с ним... – И погрозил кому-то пальцем. – Скоро все заговорят о товарище Мао и в Чунцине, и в вашей Москве!..

Долматов подлил Сяо Ли ещё немного спирта. Хотел разбавить водой, однако тот забрал из рук Долматова стакан со спиртом и выпил его одним глотком.

– Хватит... – сказал Владимиров. – А то придётся нести его домой на руках.

И хотя Владимиров произнёс эти слова совсем тихо,

Сяо Ли услышал их и бурно возразил.

– Это меня нести на руках?.. Это вас надо выносить отсюда!.. Да кто вы по сравнению с нами?..

За столом никто не ожидал такого поворота. Южин удивлённо глянул на Владимирову и слегка покачал головой.

А Сяо Ли продолжил:

– Мы уже строили города, а вы ещё ходили в звериных шкурах!.. Если я не прав, скажите...

Владимиров случайно глянул на Долматова и увидел, как у того на побледневших скулах заходили желваки.

Владимиров отрицательно качнул головой.

Однако не стерпел Алеев.

– А что вы сейчас из себя представляете? – спросил он. – Вы убиваете друг друга, начиная с 1927 года. Ради чего?..

– Вы тоже убивали, – вяло возразил Сяо Ли и махнул рукой. – Люди всегда убивали друг друга... На том весь мир стоит... Не будете убивать вы, будут убивать вас... Ну всё... – проговорил он с трудом вставая из-за стола. – Мне пора... Провожать меня не надо... Проводят другие...

Владимиров понял, о ком сказал Сяо Ли.

И действительно, как только он появился во дворе, к нему подошёл один из охранников, взял под руку и провёл к лошади, которая была привязана у ворот.

...В этот же день Риммар записал короткое сообщение Совинформбюро. В нём говорилось, что на советско-германском фронте всё без перемен.

Вечером, когда снова все собрались за столом, приехал Орлов и сразу зашёл разговор о Ван Мине.

– ...Есть у него что-то о чём он не хочет говорить. – сказал Аллеев. И обернулся к Южину: – Ты обратил внимание, как он изменился в лице, когда мы были у него последний раз, и разговор зашёл о его учёбе в университете Сунь Ятсен?

– Заметил, – ответил Южин. – Но, насколько мне известно, там у него ничего такого не произошло... Разве что... В 1929 году он вместе с заместителем директора университета Павлом Мифом был откомандирован в Китай по решению исполкома Коминтерна. Тогда с ними поехали Бо Гу, Ван Цзясян и Чжоу Вэнь-тянь. Насколько я знаю, перед ними стояла задача организовать смену руководства КПК. Однако этому воспротивились Чжоу Энь-лай и Ли Лисань. И вскоре Ван Мин был арестован гоминдановцами, но ему удалось бежать из тюрьмы. Каким образом, никто не знает. Может, это его до сих пор тревожит?..

– Может, – вступил в разговор Владимиров. – Лично у меня о Ван Мине сложилось хорошее мнение. – И обратился к Орлову: – Андрей Яковлевич, а как у тебя дела? Ты что-то всё молчишь...

– Слушаю, – ответил тот. – Я тоже заметил, что кроме болезни у Ван Мина на душе какой-то тяжёлый камень. И ещё он как-то мне сказал, что смерти он не боится... Удивительно, но я заметил, что смерти меньше всего боятся люди, чья жизнь имеет наибольшую ценность. А дела мои пока в ра-

бочем режиме. Хождение по начальству. Вот если добьюсь от начальства построить отдельно хирургическое помещение, не в пещере, а рядом, чтобы и свет был, и воздух чистый, тогда скажу, что дела идут хорошо. – И добавил: – На меня ещё повесили и инфекционное, и гинекологическое отделения.

Долматов сначала охнул, потом рассмеялся.

– Да какой же ты, Андрей Яковлевич, гинеколог?!

– Говорят – больше никому, – невозмутимо ответил Орлов. – Практически уже половина женского руководства побывала у меня на приёме.

...Когда Орлов уехал и все стали расходиться по своим комнатам, Риммар вдруг спохватился, что пропал его нож.

– Никто моего ножа не видел? – спросил он.

– Он на подоконнике, под газетами, – ответил Южин и ушёл к себе.

Риммар взял свой нож с подоконника и пояснил:

– Друзья подарили перед отлётом сюда... Сами в мастерской сделали... Сталь отменная. Можно проволоку резать.

– Тогда не бросай его где попало! – посоветовал Владимиров. – Подарками друзей, Коля, надо дорожить.

3

Двадцать третьего июня с утра Владимиров с Алеевым решили съездить на рынок и самим купить свежую зелень. Од-

нако, когда они уже выходили из дома, во дворе снова появился Сяо Ли и сообщил, что Владимирова просит немедленно приехать Кан Шэн.

– Вот видишь, Пётр Парфёнович, – сказал, усмехнувшись Аллеев, – с одной стороны просит, а с другой – требует...

– Да ладно тебе придирааться к хорошему человеку, – усмехнулся в ответ Владимиров. – Поезжай на рынок с Чаном.

...Когда Владимиров вошёл в кабинет Кан Шэна, увидел: за столом у него сидел Чжу Дэ и какой-то незнакомый китаец.

Кан Шэн представил его Владимирову:

– Познакомьтесь, товарищ Сун Пин, – сказал он, – это товарищ Ван Цзя-син. Он отвечает за военную и политическую работу у нас.

Ван Цзя-син приподнялся из-за стола и пожал Владимирову руку.

После этого Кан Шэн снова обратился к Владимирову:

– Присаживайтесь, товарищ Сун Пин.

И указал на свободный стул рядом с Чжу Дэ.

– Мы обещали информировать вас о всех наиболее важных событиях. Так вот... – Кан Шэн бросил короткий взгляд на Ван Цзя-сина. – Нам стало доподлинно известно, что в Маньчжурии разрабатывается план по созданию нового государства «Сибирь-Го». И объявлена мобилизация в Маньчжурскую армию всех мужчин от восемнадцати до соро-

ка лет. Для подготовки военных кадров, в частности унтер-офицеров при Синьцзянском и Хинганском военных училищах открыты краткосрочные курсы...

– В Хинганском училище дополнительно приступили к подготовке офицеров из монгол, – добавил Ван Цзя-син.

Кан Шэн молча кивнул головой в знак согласия.

Владимиров обратил внимание, что Чжу Дэ всё это время сидел, не проронив ни слова. Лицо его было мрачно-сосредоточенным и, казалось, его не интересует происходящий сейчас разговор.

– Я благодарю вас за информацию, – сказал Владимиров. – Я распоряжусь немедленно поставить об этом в известность своё руководство. Но коли я уже здесь, – продолжил он, – позвольте узнать ваше мнение по поводу концентрации японских войск на западе провинции Чэнцзян и в провинции Цзянси. Не рассматривается ли это как угроза для Особого района?

Кан Шэн слегка приподнял белёсые брови и повернул голову к Чжу Дэ.

– Как ты думаешь? – спросил он.

Чжу Дэ он в ответ слегка пожал плечами.

– Я полагаю, любое пребывание японских интервентов на территории Китая является для нас угрозой... – уклончиво ответил тот.

– Для Советского Союза, – заметил Ван Цзя-син.

Кан Шэн молча кивнул головой.

Владимиров вдруг почему-то вспомнил последний разговор с Димитровым в Исполкоме Коминтерна. Тогда Димитров рассказал о том, что за три дня до нападения Германии на СССР в Яньане знали об этом. Восемнадцатого июня Чжоу Эньлай, будучи в это время в Чунцине, телеграммой сообщил об этом Мао Цзэдуну. Знал и Чан Кайши. Ему сообщил о дате нападения на СССР гоминдановский посол в Берлине Чэн Цзя и военный атташе Вэй Юн-цин. Однако дальше Чунцина и Яньаня это информация не пошла.

...Вернувшись домой, Владимир, к своему немалому удивлению, увидел в доме Су Фи с Риммаром. Больше никого в доме не было. Завидев Владимирова, Су Фи ничуть не смутилась. Кокетливо повела плечом и сказала:

– А я в гости к вам приехала... Все говорят, что вы живёте не как китайцы... Решила посмотреть...

– А где все остальные? – обратился Владимир к Риммару.

– Долматов в радиоузле, а Алеев с Южиным уехали в город. У них там с кем-то деловая встреча, – ответил тот.

Пока Риммар говорил, Су Фи насмешливо и слегка вызывающе смотрела на Владимирова. Вся её фигура, с ног до головы, так и взывала: «Посмотри, какая я!...».

– Я пойду, Кол-л-я... – произнесла Су Фи нараспев, стараясь произнести имя Риммара по-русски. – До свидания...

И направилась к выходу.

Когда за Су Фи закрылась дверь, Владимир недовольно

спросил:

– Что она тут делала?

Риммар смущённо развёл руки.

– Ничего, Пётр Парфёнович... Приехала одна... Поговорили так не о чём...

– И всё?

– Кажется, всё...

– Коля, так кажется или всё?

– Ещё она на мужа жаловалась, – вспомнил Риммар. – Сказала, что совсем не уделяет ей внимания...

– Всё понятно, – прервал его Владимиров. – Смотри... Не попадись ей на удочку!..

...Утром он уже собрался выйти во двор, чтобы умыться, как услышал торопливый стук в дверь.

Владимиров вышел из дома и увидел на крыльце перепуганного до смерти повара.

– Что случилось? – спросил Владимиров, уже предчувствуя что-то недоброе.

Повар указал в сторону летней кухни.

– Там Чан!.. – с трудом выдавил из себя повар. – Он мёртвый!..

Владимиров с недоумением посмотрел на трясущегося от страха повара, с трудом осознавая сказанное им.

– Ты уверен, что он мёртвый? – наконец спросил он.

– Мёртвый! – повторил повар. – Я пришёл, а он лежит...

Владимиров бегом бросился к летней кухне, чтобы само-

му посмотреть, что там случилось. Но в это время во дворе появился Кан Шэн с двумя маузеристами и окликнул его.

– Товарищ Сун Пин! Что тут у вас произошло?.. Мне сказали убили кого-то!..

– Ещё не знаю, – машинально ответил тот. И вдруг холодящая душу мысль пронзила всё его существо. «Откуда Кан Шэн знает об убийстве?!!».

Когда они вошли в помещение кухни, увидели на полу старика Чана. Он лежал лицом вниз, а в спине у него торчал складной нож. Владимирова сразу узнал его по рукояти. Это был нож Риммара.

Кан Шэн подошёл к старику Чану, и убедившись, что тот действительно мёртв, хладнокровно вытащил нож из спины несчастного. Покрутил его в руках, прочитал надпись и усмехнулся.

– Узнаёте, чей нож? – спросил он.

– Да... – ответил Владимирова. – Это нож нашего радиста Риммара. Но это ещё не значит, что он убил старика.

Кан Шэн хмыкнул, продолжая рассматривать нож.

– Мы разберёмся, товарищ Сун Пин, – ответил он. – А сейчас мне придётся задержать вашего радиста для выяснения обстоятельств убийства.

Убийство старика Чана, да ещё ножом Риммара, потрясло всех до глубины души.

– Это провокация!.. – сказал Долматов. – Провокация!.. И её организовал или сам Кан Шэн, или его подручные!..

Такого же мнения были и все остальные.

На следующий день с утра Владимиров был уже у Кан Шэна.

– А я ждал вас ещё вчера, товарищ Сун Пин, – просто побудничному, как будто ничего не произошло, произнёс Кан Шэн. – Проходите и присаживайтесь. Я слушаю вас.

Однако Владимиров этот раз не стал садиться.

– Я постою, товарищ Кан Шэн... Так удобнее будет нам с вами говорить, – ответил Владимиров. – Да и наш разговор, я думаю, много времени не займёт.

Кан Шэн сначала сделал удивлённое лицо, затем заулыбался.

– Я слышал, русские говорят: в ногах правды нет... Это так? – и вдруг перестал улыбаться. – Вы пришли, убедить меня в том, что ваш радист не виноват в убийстве Чана?

– Именно для этого я и пришёл. И для того, чтобы сказать, кто убил старика. А, впрочем, вы прекрасно без меня знаете, кто это сделал!

На лице Кан Шэна появилась иезуитская улыбка.

– А как же нож?

– Нож был украден из нашего дома с целью убийства Чана. Он вам стал не нужен. Так? Так! А заодно и завести дело против нас. Так? Так! Мне назвать имя того, кто украл нож?

Кан Шэн замахал руками.

– Да погодите вы со своими догадками! – и на его лице появилась недовольная гримаса. – Что вы заладили одно и то-

же!.. И не надо мне говорить, что вы всё знаете!.. Ну, хорошо... Однако факт остаётся фактом... Ну, допустим я вам поверю... А что скажут люди? Родственники убитого?..

Кан Шэн наслаждался своим положением судьбы. От него теперь зависело всё. Дальше обвинять русского радиста, что не составляла ему особого труда, или начать торг.

– Ну, хорошо, – ещё раз повторил он примирительным голосом. – Если придерживаться здравого смысла, то зачем убийце оставлять свой нож на месте преступления, да ещё с дарственной надписью. Это с одной стороны. А с другой – между ними могла произойти ссора и ваш радист нанёс удар ножом в спину Чана, а потом, испугавшись, убежал...

Кан Шэн рассуждал и строил свои рассуждения в виде вопросов, давая тем самым Владимиру возможность для защиты Риммара.

– Я согласен с вами, – решил не упорствовать Владимир. – Предположений может быть много. Но я вам уже сказал: я могу назвать имя того, кто украл нож... А убийцу вы сами найдёте...

Слова Владимира и тон, в котором они были сказаны, пришлись Кан Шэну явно не по душе.

Некоторое время он молчал, затем проговорил:

– Давайте сделаем так. Пусть ваши радист ещё сутки посидит у нас, а завтра мы его отпустим. Скажем, что подозрения не оправдались. Я готов пойти вам навстречу, товарищ Сун Пин, но и вы должны иметь это в виду...

И Кан Шэн внимательно посмотрел на Владимирова. Словно, хотел убедиться, что они поняли друг друга.

– Договорились, – ответил Владимиров. – Завтра я за ним приеду...

4

Риммара действительно освободили на второй день. На вопрос Владимирова: «О чём тебя спрашивали?» Риммар ответил: «Со мной даже никто не говорил. И нож вернули...».

– Всё ясно, – сказал Южин. – Обмишурились каншендовские ребята и пошли на попятную...

– Да нет, Игорь Васильевич, – возразил Владимиров. – Кан Шэн не из таких людей, чтобы делать один ход. В общем, надо быть теперь всем предельно осторожными и внимательными...

– Особенно тебе, Коля! – заметил Долматов.

– А я при чём? – слабо возразил тот.

– Нож не надо бросать где попало! – поддержал Долматова молчаливый до этого Алеев. – И эту стерву больше в дом не пускать!..

Однако подозрения и Владимирова, и остальных по отношению к Су Фи скоро развеел сам Кан Шэн.

Через три дня после освобождения Риммара Владимиров снова был приглашён к Кан Шэну.

– ... Действительно, товарищ Сун Пин, вы оказались правы, – сказал он. – Ваш радист не виноват в смерти старика Чана. Нам удалось выяснить, кто совершил это преступление...

– И кто же? – не сдержал себя Владимиров, чувствуя, как тяжёлый камень подозрения и неуверенности спадает у него с души.

– О-о-о!.. – Кан Шэн торжественно поднял вверх указательный палец. – Всё оказалось проще, чем мы предполагали. Этот нож один из ваших охранников нашёл на крыльце вашего дома. И хотел отдать хозяину, вашему радисту, но не успел. Нож у него украли. А украл его напарник и продал своему знакомому...

– И кто же убил?

– Тот, кому охранник продал нож, – довольно усмехнувшись, ответил Кан Шэн. Он явно испытывал удовольствие от происходящего. Но этого, видимо, показалось ему мало, и Кан Шэн продолжил: – убийца намеревался обворовать вашу кладовую с продуктами. Но тут появился рано утром старик Чан. А дальше произошло то, что произошло...

Рассказ Кан Шэна показался Владимирову надуманным, но он не стал больше ничего уточнять. Главное – снято подозрение с Риммара.

Вернувшись домой Владимиров почти дословно пересказал свой разговор с Кан Шэном ребятам. И тут же спросил:

– ... Ну и что вы думаете?

Первым заговорил Долматов.

– Пётр Парфёнович, пока все козыри в руках Кан Шэна.

Посуди сам...

– Допустим, – согласился Владимиров. – Дальше?

– А дальше Кан Шэн обратится к тебе с какой-нибудь просьбой, в которой отказать тебе будет неловко, – вместо Долматова ответил Аллеев.

Владимиров слегка задумался.

– Тоже вариант, – согласился он. – И время от времени Кан Шэн будет об этом напоминать...

В этот же день Владимира встретился с Бо Гу в редакции газеты «Цзефан Жибао».

Накануне седьмого июля из Москвы пришла шифровка с просьбой, по возможности, дать подробный анализ складывающиеся отношения между руководством Особого района и Гоминьдана.

Бо Гу встретил Владимирову, как всегда, радушно.

– Сначала я вас угощу чаем, – сказал он. – В такую жару чай не только утоляет жажду, но и придаёт силы!

Владимиров не стал возражать.

Когда принесли чай, и они остались вдвоём, Владимиров коротко изложил цель своего приезда.

Бо Гу молча выслушал его. Немного подумал и сказал:

– Я буду вам говорить, а вы сами уже сделайте выводы. Видимо, надо начать с 1927 года, когда Чан Кайши вероломно нарушил все договорённости с нами и развернул репрес-

сии против КПК по всей стране. КПК была вынуждена уйти в подполье и действовать разрозненно и неорганизованно в силу целого ряда причин. Мао в это время удалось собрать несколько отрядов и восьмого сентября того же года, не согласовав свои действия с руководством КПК, поднять восстание, которое получило название «Осенний урожай». Однако уже через десять дней восстание было подавлено. Одних участников восстания казнили, других упрятали в тюрьмы... – Бо Гу умолк на какое-то время. Видимо, это воспоминание давалось ему с трудом. Несмотря на то, что самого Бо Гу страшная участь восставших не затронула. Он в это время был в Москве. Учился в университете Сунь Ятсена. – За самоуправство, – продолжил, наконец, Бо Гу, – Мао решением политбюро ЦК был исключён из партии. Но это его не остановило. С остатками восставших он ушёл в горы, а скоро к нему присоединился со своим отрядом и Чжу Дэ. К концу 1928 года они собрали в горах более двух тысяч человек и объявили войну Гоминьдану...

– Скажите, – мягко прервал Бо Гу Владимир, – Казнь гомиьндановцами жены Мао – это была месть?

– Да, – ответил тот. – Её звали Ян Кайхан... – Бо Гу тяжело вздохнул и продолжил: – В декабре 1936 года Мао, уже будучи председателем ЦК, пошёл на примирение с Чан Кайши. Я не думаю, что он простил ему казнь своей жены. Обстоятельства того потребовали. Однако это примирение просуществовало недолго. Дальше случилось то, что случилось.

У Чан Кайши появились свои планы в отношении установления в Китае государственного строя, у Мао – свои...

Бо Гу прервал свою речь, встал из-за стола и заходил по комнате. Так прошло, наверное, несколько минут, прежде чем он заговорил снова.

– ... Я хотел обратить ваше внимание на одно обстоятельство. Оно должно помочь вам сделать правильные выводы. Мао не был врагом политики, проводимой Гоминьданом. Это Чан Кайши был нашим врагом. Может, ещё чайку? – вдруг спросил он.

– Нет, нет! Спасибо! – ответил Владимиров. – Чай у вас действительно чудесный, но, когда я много пью, я начинаю потеть.

– Неволить не стану, – улыбнулся Бо Гу и тут же поинтересовался: – Скажите, отношения, которые сейчас выстраиваются между Москвой, с одной стороны, и Вашингтоном, и Лондоном, с другой стороны, это вынужденный шаг Сталина или... Как бы вам сказать, чтобы вы меня правильно поняли... Ну, хорошо. Или отход от генеральной линии Коминтерна – всеми силами бороться против международного империализма?

Владимиров ответил, не задумываясь:

– Я полагаю, это брак поневоле, – сказал он.

Бо Гу он понимающе кивнул головой.

– Я так и думал, товарищ Сун Пин... Но мы хорошо с вами знаем, чем заканчиваются такие браки...

И уже прощаясь с Владимировым, Бо Гу посоветовал:

– Вы с Ван Мином поговорите. У него с Мао было много споров о целесообразности единого фронта в борьбе с японскими захватчиками. Ван Мин и до сих пор уверен: единый фронт необходим. У Мао своё мнение. Он полагает, что борьба КПК не должна быть связана с Гоминьданом. Да и в самом Гоминьдане не всё в порядке. Знаете, как у нас говорят? Тот, кто указывает на твои недостатки, не всегда твой враг, а тот, кто говорит о твоих достоинствах, не всегда твой друг. Нас с Гоминьданом разделяет слишком многое, и теперь, по истечению стольких лет кровавого противоборства, найти общий язык... Сами понимаете, насколько это будет трудно.

5

Двадцать пятого числа от «Кедра» пришло короткое сообщение о том, что японцы намерены усилить блокаду проливов Лаперуза и Цугару. С этой целью к проливам направлены четыре крейсера и два вспомогательных судна. Владимиров знал, что проливы Лаперуза и Цугару считались нейтральными. Однако, начиная с 1941 года здесь бесследно исчезло несколько советских и иностранных судов, идущих в порты советского Дальнего Востока.

Информация «Кедра» в этот же день была отправлена в Москву.

Уже во второй половине дня Долматов записал несколько иностранных радиосообщений. Все они отмечали успехи союзных войск в Северной Африке и предрекали, в связи с серьёзной неудачей советских войск под Харьковом, скорое поражение СССР в войне против Германии. А шведская радиостанция, ссылаясь на достоверный источник в Вашингтоне, заявила, что решение Москвы отказаться разместить у себя на территории сорок американских бомбардировщиков «Бостон», уже находящихся по пути в СССР в Басре, и передача их английскому командованию в Египте, свидетельствует о политических настроениях в советском руководстве.

– ...Свиристелки продажные! – сказала Долматов за ужином, когда снова зашёл разговор о событиях на советско-германском фронте. – Они думают под Харьковом свет клином сошёлся!.. Посмотрим, что они запоют, когда мы погоним фашистскую нечисть до самого Берлина!..

Скоро приехал и Орлов. От ужина он отказался, однако чай выпил с удовольствием.

– ...У меня хорошая новость, – сказал он. – Наконец-то я добился согласия на пристройку, в которой можно будет разместить хирургическое отделение.

– Поздравляем тебя, Андрей Яковлевич, – проговорил Алеев. – Хотя бы одна приятная новость за день.

Орлов сразу насторожился.

– Что-то произошло? – спросил он у Владимирова.

– Нет, нет... Андрей Яковлевич, ничего не произошло, – успокоил его тот. И спросил: – Как там наш Ма Хайдэ?

– Интерес ко мне проявляет по-прежнему, но не так открыто, как это было раньше... – ответил Орлов.

Владимиров усмехнулся.

– Интересно... Кто же он на самом деле?.. Плохой враг или посредственный разведчик...

– Об этом наверняка знает только Кан Шэн, – усмехнулся Орлов. – Я в этом уверен. Иначе для него не были бы открыты все двери домов руководства в Яньани. – И вдруг предложил: – Пётр Парфёнович, а может, мне с ним подружиться?

– И что это нам даст? – спросил молчавший до этого Алев.

– Ровным счётом ничего, – ответил Владимиров. – Даже если он работает с согласия Кан Шэна на кого-нибудь...

– Пётр Парфёнович, а к нам гости пожаловали, – прервал Владимиров, стоящий у открытого окна Долматов.

Владимиров подошёл к окну и увидел, как во двор в сопровождении двух маузеристов въезжают верхом Цзян Цин и Су Фи.

– Вот это гости!.. – проговорил Владимиров и чему-то усмехнулся. – Ну что ж... Надо идти встречать.

Когда Цзян Цин и Су Фив в сопровождении Владимиров вошли в дом, Цзян Цин поздоровался со всеми, а Су Фи только кивнула головой и спросила:

– А где Кол-ля?

При этом имя Риммара она, как и раньше, произнесла по-русски и нараспев.

– Он дежурит в радиоузле, – ответил Владимиров. – Проходите присаживайтесь. Чай пить будете?

– Нет, нет, спасибо! – ответила за себя и за подругу Цзян Цин. – Мы к вам ненадолго, – И продолжила, обращаясь к Владимирову: – Мы знаем, что случилось у вас и что несправедливо пострадал ваш радист...

– Всё хорошо, что хорошо кончается, – мягко прервал её Владимиров и попросил Долматова подменить Риммара.

Когда тот появился из радиоузла, Су Фи сначала просияла, но тут же на её губах появилась растерянная улыбка. Она встала с места, подошла к Риммару и неожиданно для всех поднялась на цыпочки и поцеловала его в щеку.

– Простите меня, Кол-ля, – произнесла она посмешиному. – Я знаю: вы обо мне плохо подумали, но я не виновата... Я клянусь вам...

«Чем чёрт не шутит, когда Бог спит», – подумал Владимиров, глядя на Су Фи. На её лице было столько горечи и отчаяния, что он даже готов был поверить в то, что Су Фи здесь ни при чём. И что бы как-то разрядить обстановку, сказал:

– Ну, может быть вы всё же попьёте чай?

– Спасибо, – повторила Цзян Цин. – Нам уже пора ехать...

Владимиров пошёл их провожать. И только после того, как закрылась за ними дверь, Риммар, придя в себя, спросил, ни к кому не обращаясь:

– И что это было?..

Ему ответил Алеев, пряча насмешливую улыбку в уголках губ:

– Они приехали на тебя полюбоваться после того, как ты ни за что ни про что сутки отсидел в камере у Кан Шэна, горе ты наше луковое! Но мне кажется, это еще не конец этой истории. Главное – не впасть в заблуждение. Ибо к заблуждению ведут тысячи дорог, а к истине – одна. – И, заметив на себе вопросительные взгляды Долматова и Южина, добавил: – Это не я сказал. Это сказал Жан-Жак Руссо!

...Уже поздно вечером Долматов поймал волну, на которой работало радио Токио. Диктор сообщил о успехах немецких войск на Юге России, перечислил оставленные советскими войсками города и о количестве убитых и взятых в плен русских солдат, офицеров и генералов.

Глубокой ночью пришла сводка Совинформбюро. В ней скупно сообщалось об упорных оборонительных боях на Юге страны. Держался мужественно Ленинград и героически оборонялся Севастополь.

О том, что СССР в тяжёлом положении, в Яньани не могли не знать, но не хотели этого признавать. Владимиров убеждался в этом чуть ли не каждый день. Здесь делали вид, будто не знают, что японские дивизии в Маньчжурии в любой момент могут обрушиться на Советский Союз, а нейтралитет Турции – это фиговый листок.

Владимиров чувствовал всеми фибрами души, как с каж-

дым днём нарастает враждебное отношение к нему и его группе со стороны местного руководства. И только Мао Цзэдун держался с ним подчёркнуто доброжелательно.

...Во время последней встречи, которая состоялась двадцать девятого июня, Мао выразил своё сочувствие Владимирову в связи с неприятным случаем с Риммаром и посетовал на то, что Кан Шэн слишком рьяно относится к своим обязанностям. Но когда разговор зашёл о Гоминьдане, он заявил:

– ...Вы, надеюсь, не хотите, чтобы мы капитулировали перед Гоминьданом? – И, не дав Владимирову ответить, продолжил: – Однако Исполком Коминтерна, по сути дела, требует этого от нас. И, к сожалению, линию Исполкома Коминтерна поддерживают и некоторые наши товарищи. Я не говорю, что они настроены против линии ЦК партии, но их позиция наносит вред нашей партии. Теперь, что касается самого Чан Кайши. Скажу вам откровенно, я не верю ему. Он уже предавал нас. Предаст и вас. Придёт время, и вы вспомните мои слова. Вы знаете, что по-китайски означает слово «чжи»? «Чжи» означает мудрость. Это второе, после человеколюбия, качества, которыми мы должны обладать. А в чём заключается мудрость? Прежде всего, в сознании людей, знание древних законов и традиций. Так учил нас великий Конфуций...

Пока Мао Цзэдун говорил, Владимиров пытался уловить связь между началом их разговора и тем, о чём сейчас шла

речь. Похоже было, что и сам Мао забыл, с чего начался их разговор, потому как он вдруг умолк и некоторое время рассеянно смотрел на Владимирову. Затем спросил:

– О чём мы начали говорить?

– Об отношении с Гоминьданом, – напомнил тот.

– Да, да!.. Верно, но о Гоминьдане потом... Конфуций для нас – это этико-политическое учение, – продолжил он, – в котором отражено всё: и как управлять государством, и какими необходимыми качествами должен обладать правитель. – На этом месте Мао Цзэдун снова прервал свою речь и спросил: – Как вы думаете, нам нужно менять путь древних правителей?

Вопрос был настолько странным, что Владимиров сразу даже слегка растерялся, стараясь понять серьёзно Мао спрашивает или шутит.

Видимо, и Мао Цзэдун уже понял странность своего вопроса и потому поспешил сказать:

– Я понимаю, на этот вопрос сложно ответить...

– Ну почему же? – возразил Владимиров. – Я постараюсь...

На лице Мао появилось удивление и тут же сменилось добродушной улыбкой.

– Я готов вас выслушать, товарищ Сун Пин, – сказал он и с неподдельным интересом посмотрел на Владимирову.

– Вы знаете лучше меня, что Конфуций отрицал необходимость законов, – начал говорить Владимиров, стараясь

смотреть Мао прямо в глаза. – И в своих трудах он неоднократно утверждал, что управление государством на основе законов принесёт только вред. Но как строить современное государство без законов, опираясь только на самосознание и совесть? Практически это невозможно. Да и идти путём древних правителей, я полагаю, тоже невозможно в силу многих причин...

Мао Цзэдун трижды медленно хлопнул в ладони.

– Bravo, товарищ Сун Пин! – проговорил он. – Ваш ответ не подлежит сомнению... И всё же я вынужден заметить: совесть – это живущий в нас закон, а не то, что написано, чьей-то рукой. Ещё Кант в своё время говорил: «Совесть, есть мерило всех наших поступков». С этим спорить трудно...

Он хотел ещё что-то сказать, но в это время с улицы пришла Цзян Цин. Увидела Владимирову и обрадованно воскликнула:

– Товарищ Сун Пин! А я и не знала, что вы у нас в гостях! Я только что была у Су Фи, и мы говорили с ней о вашем радисте. Мне кажется, она влюбилась в него!..

Говоря это Цзян Цин подошла к Владимирову и подала руку. Владимиров отметил про себя: Цзян Цин действительно была очаровательной. Всё в ней: фигура, ласковый голос и манера держать себя говорили о том, что она знает себе цену.

– Товарищ председатель, если я вам уже не нужен, я пойду, – сказал Владимиров.

Однако Цзян Цин решительно остановила его.

– Нет, нет!.. Никуда вы не пойдёте!.. Сначала мы попьем чай и потом у меня к вам есть один деликатный разговор!

Мао промолчал и этим выразил своё недовольство, но Цзян Цин не обратила на него внимания. Пошла на кухню и тут же вернулась с подносом, на котором красовался фарфоровый заварной чайник и три фарфоровые расписные чашки.

Пока пили чай Мао поинтересовался, что происходит на советско-германском фронте. Выждав, когда Мао и Владимир закончили говорить, Цзян Цин обратилась к Владимиру:

– Скажите, а у вашего радиста есть семья?

– Нет, – ответил тот. – Он у нас самый молодой и не успел обзавестись семьей.

Цзян Цин довольно улыбнулась и захлопала в ладони.

– Ой, как хорошо! – воскликнула она.

Мао Цзэдун метнул в сторону Цзян Цин укоризненный взгляд и покачал головой. Однако Цзян Цин это не смутило.

– А что я плохого сказала? – удивилась она. – просто Су Фи в восторге от их радиста!..

Владимиров промолчал, а про себя подумал: «Люди – не ангелы. А Су Фи, по всей видимости, настоящий чёрт!..»

Глава пятая

1

Первого июля ближе к вечеру приехал Орлов. И как всегда прямо с порога объявил:

– У меня новость!

– Проходи, рассказывай о своей новости, – усмехнулся Владимир.

Орлов устало опустился на стул и продолжил:

– ...Сегодня ко мне подошёл один из наших санитаров и попросил передать тебе, чтобы ты завтра в два часа дня был в харчевне у Восточных ворот. Я попытался узнать у него зачем, но он не стал говорить. Какой-то детектив выходит...

– Это точно, – согласился Владимир. – Но в этом, как ты говоришь детективе, есть очень любопытные места. Во-первых, он обратился именно к тебе, во-вторых, встреча назначена за городом, подальше от посторонних глаз...

– И, в-третьих, неизвестно зачем! – вступил в разговор Долматов.

Орлов согласился с ним.

– Может быть с тобой кому-нибудь поехать? – предложил он.

– Лучше будет пешком, – сказал Владимир. – Проще от слежки избавиться, если такова будет...

– Пётр Парфёнович, я с тобой пойду, – сказал Долматов. – Я знаю эту харчевню. Мы с Южиным как-то были в ней...

На следующий день ровно в два часа дня Владимиров и Долматов уже были в харчевне, которая втиснулась в один ряд с лавками, где продавалась всякая всячина. Первое, что бросилось им в глаза, это грязные полы, тучи летающих насекомых и серого цвета застиранные холщовые занавески, отделяющие столы один от другого.

Они прошли в дальний угол, там оказался свободный стол, и сели.

К ним тут же подошёл, по всей видимости, хозяин харчевни и, услужливо улыбаясь, сообщил:

– У нас сегодня горячая лапша с курицей и очень хорошая Ханжа.

– Это у них такая водка, – пояснил Долматов.

– Ну тогда лапшу и Ханжу, – согласился Владимиров.

Китаец поклонился несколько раз и удалился.

Минуты через две к ним подошёл Сяо Гуй – официант с заказом. Парнишке было лет шестнадцать, худенький, невысокого роста. Он поставил на стол миски с лапшой, водку и две чашки подозрительного цвета, наклонился и тихо спросил:

– Вы русские?

– Да, – ответил Долматов.

– Мне велели передать, что вашего русского начальника хотят убить...

– Кто? – невольно вырвалось у Долматова.

– Не знаю, – ответил Сяо Гуй. – Знает один человек из госпиталя. Его зовут доктор Ма Хайде. Больше я ничего не знаю. Мне так брат сказал.

И Сяо Гуй поспешно ушёл.

– Вот так новость! – мрачно усмехнулся Долматов. – Кто же это мы так помешали?..

– Не мы, а я, Леонид Васильевич, – поправил его Владимиров. – А, впрочем, поживём-увидим... Обедать будем?

Долматов внимательно посмотрел на Владимирова.

– А у тебя, Пётр Парфёнович, крепкие нервы, – сказал он.

– Нервы ни к чёрту, – возразил тот. – Просто привык уже ко всему. – Взял чашку с ханжой, понюхал и поморщился. – Фу-у-у... гадость какая... Я не смогу её пить...

Долматов тоже понюхал, поморщился, однако выпил.

– Тёплая... – сказал он. – А так пить можно...

Пообедав, они вышли из харчевни и через весь город пешком направились домой. По дороге перебрали все варианты, кому была выгодна смерть Владимирова.

Наконец Долматов сказал:

– ... Если Ма Хайдэ каким-то боком задействован в этом деле, он, скорее всего, промежуточное звено. Я больше чем уверен. Вот только почему он решил предупредить об этом? И кому понадобилось испортить в конец и без того непростые отношения Москвы с руководством Особого района? Вот вопрос!..

Владимиров согласился с ним.

– Остаётся самая малость – узнать кому это надо, – спокойно и даже, как показалось Долматову, чуть насмешливо, проговорил Владимиров.

– А тебе и в самом деле это не волнует? – спросил Долматов.

Владимиров пожал плечами.

– Ну почему же, Леонид Васильевич... У меня растут два сына, прекрасная жена... Только, когда мы сюда собирались, разве не были готовы ко всему?

Простой вопрос Владимирова, видимо, застал Долматова врасплох. Прежде чем ответить, он некоторое время молчал, наконец произнёс:

– Если честно, Пётр Парфёнович, я об этом не думал. На сборы дали два часа. И в самолёт... Я даже не успел толком попрощаться с родными...

Дома их возвращения ждали с нетерпением.

– Ну что? – спросил Южин, как только они переступили порог.

Владимиров коротко рассказал о встрече в харчевне. Алев с Южиным даже переменились в лице. А Риммар вдруг разразился бранью в адрес Кан Шэна.

– Коля, успокойся! – остановил его Долматов. – Собака, возможно, вовсе не там зарыта, где ты думаешь...

С мнением Долматова согласились все.

– Ну и что мы будем делать? – не унимался Риммар. –

Ждать?

– Главное спокойствие, – посоветовал Владимиров. – И не показывать вида, что мы знаем об этом...

– И всё же, Пётр Парфёнович, бережёного и бог бережёт, – заметил Алеев. – А посему тебе одному лучше нигде не появляться.

В конце дня приехал Орлов. Владимиров в это время находился вместе с Риммаром в радиоузле.

Узнав от Долматова о результатах встречи в харчевне, покачал головой и обронил:

– Да-а-а... Час от часу не легче... И что решили?

– Пока ничего, – ответил Долматов.

– Ладно... – Орлов чему-то усмехнулся. – Я знаю, что надо делать. А пока не отпускайте его одного никуда...

В это время из радиоузла вышел Владимиров. Глянул на Орлова и всё понял.

– Уже доложили? – спросил он.

– Доложили. А как же ты думал? – ответил тот.

– Ну и что ты думаешь, Андрей Яковлевич?

– Есть у меня одна мысль, – ответил тот. – Но я пока не скажу... Чтобы не сглазить, – добавил он. – А что нового у вас?

Он явно хотел перевести тему разговора на что-то другое. И Владимиров это понял.

– У нас всё по-старому, – ответил тот. – Мы с Колей прослушали с десятков радиостанций. Японцы сообщили

об успешных боях в китайских провинциях Цзянси, Хэнянь и восточнее Кантона...

– А у нас совсем плохо, Пётр Парфёнович? – выслушав Владимирову, спросил Орлов.

– Ну не совсем, Андрей Яковлевич, – возразил Владимиров. – На Юге приходится туго... Не знаю... Или просчитались, или сил не хватило... Ужинать будешь?

– Буду, – ответил Орлов. – Сегодня, как утром позавтракал, так до сих пор во рту и крошки не было. Четыре операции пришлось сделать. И все тяжёлые.

Долматов принёс с кухни ужин: миску рисовой каши на курином бульоне и крепко заваренный чай.

– Чай не горячий, – предупредил он.

– Вот и хорошо, – махнул рукой Орлов. – От дневной жары ещё не отошёл. – И посетовал: – Из всех врачей только четверо с высшим медицинским образованием. Остальные так себе... Дня не проходит, чтобы в госпитале кто-то не умер...

– А как со строительством хирургического отделения? – поинтересовался Долматов.

– Строят, но медленно, – ответила Орлов. – Если через месяц закончат строить, будет хорошо. Правда оборудование всё из прошлого века, но лучшего не предвидится.

Орлов уехал, когда уже стало смеркаться. Владимиров проводил его до ворот, постоял ещё некоторое время и вернулся в дом. Все разошлись по своим комнатам. И только один Долматов сидел за столом и бесцельно перелистывал

местные газеты.

Завидев вошедшего Владимирова, сказал:

– Пётр Парфёнович, я вот о чём подумал... Может с Кан Шэном встретиться тебе? Поговорить... Ну посуди сам: ему никак не с руки твоя смерть.

– А чёрт его знает... – слегка пожал плечами Владимиров. – Пошли лучше спать. Утро вечера мудренее. Завтра всё и решим...

2

Четвёртого июля Риммар поймал волну, на которой работала какая-то новая японская радиостанция. Диктор сообщил об успешном продвижении японских войск в провинции Цзянси и начале боёв западнее Наньчана. А также о морском сражении с американским флотом, в результате которого японцам удалось потопить четыре американских линкора. У острова Ява американцы потеряли ещё два тяжёлых крейсера и один авианосец. В конце передачи диктор сообщил, что начиная с декабря 1941 года японцы потопили из состава американских, английских и голландских военно-морских сил шесть линкоров, три авианосца, двадцать тяжёлых и средних крейсеров, двадцать два эсминцев и сорок четыре подводные лодки. Сбили в воздухе и сожгли на аэродромах более полутора тысяч самолётов противника.

Берлинское радио в этот же день передало сообщение

о наступление немецких войск в Северной Африке в районе Аль Аламейна. И успешных операциях своих подлодок в Карибском море и мексиканском заливе, где ими было потоплено уже два десятка транспортных судов союзников.

Совинформбюро сообщило об оставлении Севастополя...

Новость о сдаче Севастополя угнетающе подействовало на всех. Но больше всего на Южина.

– Всё! – сказал он, нервно расхаживая по комнате. – Вы как хотите, а я буду просить центр отправить меня на фронт!.. Ну что мы тут делаем?..

– То, что и на фронте, Игорь Васильевич, – стараясь сохранить спокойствие, ответил Владимиров. Хотя и у самого кошки скребли на душе.

Неожиданно Южина поддержали Алеев и Долматов.

– Он прав, Пётр Парфёнович, – сказал Долматов. – На фронте видно, кто твой враг... А здесь...

– А здесь и друзей особенно незаметно... – поддержал его Алеев.

– Давайте заканчивать этот бесполезный разговор! – прервал их Владимиров. – Будет приказ вылетать в Москву. Никуда не денемся...

На другой день Владимирова пригласил к себе Кан Шэн.

– ...Товарищ Сун Пин, вчера я был в госпитале, – ответив на приветствие Владимирова, сразу начал говорить Кан Шэн. – Ваш доктор Орлов сказал мне, что на вас готовится покушение, и об этом знает доктор Ма Хайдэ. Это меня

удивило. Я вызвал к себе доктора Ма Хайдэ, и он рассказал мне, и сегодня нам удалось арестовать двоих мерзавцев, которые приехали к нам из Чунцина. На первом же допросе они признались, что получили задания в Чунцине убрать вас... – Кан Шэн сделал выжидательную паузу, давая Владимиру возможность осознать сказанное им. Затем продолжил: – Теперь можете не беспокоиться. Цель тех, кто послал этих мерзавцев, была простая: нанести вред нашим отношениям с Москвой в самое непростое и для вас, и для нас время.

Кан Шэн снова сделал паузу и ей воспользовался Владимир.

– Я благодарю вас, товарищ Кан Шэн, за искреннее желание сохранить с нами добрые отношения. В свою очередь и мы будем делать всё от нас зависящее для поддержки этих добрых отношений.

По губам Кан Шэна скользнула скептическая улыбка и тут же пропала.

– Да, да... – проговорил он. И продолжил: – до вашего прилёта к нам, в Яньани побывали двое западных корреспондентов: Эдгард Сноу и Анна Луиза Стронг. Кстати, её вы должны знать. Она долго работала корреспондентом в Москве. Писала хорошие статьи о Советском Союзе. А Сноу написал книгу «Красная звезда над Китаем». Я к чему о них заговорил. Благодаря именно им на Западе стало известно имя председателя нашей партии товарища Мао Цз-

Эдуна. И хотя в одной из своих статей Эдгард Сноу написал, что в молодости у товарища Мао не было устойчивых политических взглядов, мы ему простили это. Почему бы и вашим товарищам не писать чаще в ваших газетах о вождях китайской революции? Разве они этого не заслуживают?..

Пока Кан Шэн говорил, Владимира вспомнил. Действительно, где-то перед войной в «Правде» была опубликована статья Эдгарда Сноу о политике, проводимой руководством КПК. В этой статье Сноу, ссылаясь на признания самого Мао, писал о том, что лидер китайских коммунистов в молодости «переболел» и утопическим социализмом, и либеральной демократией.

Выговорившись наконец, Кан Шэн неожиданно спросил:

– Товарищ Сун Пин, а что вы сами думаете о докторе Ма Хайдэ? Он же заинтересовал вас. Не правда ли?

Владимиров был и удивлён, и озадачен таким вопросом. И чтобы как-то успеть обдумать ответ, спросил сам:

– Разве моё мнение имеет значение для вас?

Кан Шэн по смешному пожевал губы.

– Ну... Хотелось бы знать. Видите сами, как сложились обстоятельства... – невнятно пояснил он, но Владимиров догадался, о чём хотел сказать Кан Шэн.

– Я его плохо знаю, – ответил Владимиров. – Однако нередко вижу его среди ваших руководителей. Видимо, он полезный для вас человек.

Ответ Владимирова заставил Кан Шэна натянуто улыб-

нулся.

– А вы очень осторожный человек, товарищ Сун Пин, – произнёс он. – Это хорошо. Особенно в нашей с вами работе...

Владимиров понял, на что намекал Кан Шэн.

...Дома Владимирова застал Орлова. Вид у него был мрачноватый.

– У меня три трупа и все после удачно проведённых мною операций, – пояснил он. – Понимаешь? Этого не должно было случиться!..

Владимиров, как мог попытался успокоить Орлова. «Неприятность не самых худших», – решил про себя он. А вслух произнёс:

– Андрей Яковлевич, бывает и хуже. Ну что поделаешь...

– А то, что этого не должно было случиться! – повторил Орлов.

– Ты думаешь, кто-то помог?..

– Я в этом уверен! Не могу только понять, кому это надо!..

И зачем?..

От ужина Орлов отказался. Владимирова проводил его чуть ли не до полдороге. Рассказал о встрече с Кан Шэном, и о том разговоре, который состоялся между ними.

– ...Кан Шэн последнее время стал часто появляться в госпитале, – сказал Орлов. – Здоровый, как бык, а всё просит обследовать его.

– Значит, собирается долго жить, – заметил Владимирова.

И добавил: – По этому поводу китайцы говорят: «Хитрость жизни в том, чтобы умереть молодым».

Орлов усмехнулся.

– Мудрые люди китайцы, – отозвался Орлов. И снова заговорил о Кан Шэне. – Я его что-то не пойму. Он всё время пытается заводить со мной разговор то о Бо Гу, то о Ван Мине, то о Чжоу Эньлае. И всё вокруг да около... Хитрый, как лис. Ну ладно, Пётр Парфёнович, возвращайся назад, а то скоро темнеть начнёт. Да и мне надо поторопиться в госпиталь. Там, наверное, переполох начался. Я никому не сказал, что к вам отправился.

Владимиров вернулся домой, когда уже длинные, причудливой формы тени скользнули с гор и стали заполнять долину. Он знал: пройдёт ещё немного времени, и наступит непроглядная ночная тьма, душная и томительная. И только под утро появится живительная прохлада.

– ...А у нас завтра будет праздник! – объявил Риммар, заведя вошедшего в дом Владимирова. – Наш повар пообещал приготовить фазана! Говорит, сам поймал.

– А их что, едят? – насмешливо спросил Владимиров.

У Риммара по смешному вытянулось лицо.

– Да вы что, Пётр Парфёнович!.. – удивился он. – Это же деликатес!..

– Ладно, Коля... Деликатес так деликатес... Что там нового?

– Всё по-старому, Пётр Парфёнович, – ответил тот.

Владимиров коротко кивнул головой.

– Долматов в радиоузле?

– Да...

Владимиров хотел пройти в радиоузел, но передумал. Махнул рукой и направился в свою комнату...

3

Восьмого августа Долматов принял сводку Совинформбюро, в которой сообщалось, что советские войска на Южном направлении отступили по всему фронту.

В этот же день сразу несколько зарубежных радиостанций сообщили о начале генерального наступления немецких войск на Юге России и окружение в районе Старого Оскола большой группы советских войск. Несколько раз называлось имя командующего шестой танковой армии генерала Фридриха Паулюса, которому Гитлер приказал до осени разгромить войска Красной армии на Юге России и выйти на рубеж реки Волги.

В доме на несколько дней воцарилось уныние. Все ходили, не поднимая глаз, словно каждый был в чём-то виноват. И потому появление в доме Бо Гу вызвала небольшое оживление.

– ... Я к вам на несколько минут, – предупредительно сказал он. – Сегодня мы получили из Чунцина обращение Чан Кайши к китайскому народу в связи с пятой годовщи-

ной со дня начала сопротивления японским захватчикам, – С этими словами Бо Гу достал из внутреннего кармана куртки текст обращения и положил на стол перед Владимировым. – Почитайте. В обращении есть места, над которыми следует нам всем подумать. А теперь до свидания. Мне действительно надо ехать...

О том, что произошло на Юге советско-германского фронта не обмолвился ни словом.

Проводив Бо Гу, Владимиров вернулся в дом. Обращение Чан Кайши было в руках у Южина.

– Читать? – спросил он.

– Читай, – ответил Владимиров.

Южин видимо уже успел прочитать первую страницу до прихода Владимирова и проговорил:

– Сначала идёт длинное вступление... Ага! Вот отсюда...

«...В день пятой годовщины сопротивления мы должны воздать должное героически погибшим за Отечество бойцам китайской армии и гражданам Китая. Я хотел бы воспользоваться этим знаменательным днём, чтобы вместе и народам нашей страны выразить глубокую признательность бойцам и командирам воюющих вместе с нами союзных стран за их боевые достижения, а также правительствам и общественным организациям США, Англии и Советского Союза...» – Южин прервал чтение и усмехнулся: – Надо ж... И о нас не забыл!..

– Читай дальше, комментатор! – сказал Владимиров.

– «...Наша борьба отличается не только своей длительно-
стью, но является также самой многострадальной, тяжёлой,
не равной борьбой слабого против сильного...»

Южин снова не сдержался:

– А кто вам мешает быть сильными?..

– Игорь Васильевич! – обратился к нему Владимиров. –
Ни Чан Кайши, ни Мао Цзедуна рядом с тобой нет. Читай
дальше!

– «...Ответственность Китая», – продолжил читать
Южин, – «заключается в том, что он должен возглавить борь-
бу главных сил на азиатском континенте. Другие союзные
страны, как например Англия и СССР, имеют другие театры
войны, где они несут ответственность за борьбу».

– Всё, – сказал Южин. – Он даже распределил места.
Кто, где и чем должен заниматься!.. – и положил обращение
на стол.

– Действительно, есть над чем подумать, – медленно про-
говорил Владимиров. – Бо Гу прав...

Вечером за ужином, снова зашёл разговор об обращении
Чан Кайши.

– ...Не будет никакого союза между руководством Осо-
бого района и Чан Кайши! – заявил Южин. – Сами посуди-
те. В 1927 году Чан Кайши стал во главе контрреволюцион-
ного переворота. И, я уверен, не без помощи своих япон-
ских друзей, с которыми учился в Токио в военной акаде-
мии. Сегодня он и царь, и бог: он и председатель правитель-

ства, и председатель Национального Политического совета Гоминьдана, и председатель Военного совета, и даже председатель совета директоров самых крупных четырёх банков Китая! Зачем ему делиться с кем-то властью? Я считаю, что Мао Цзэдун правильно делает, что не верит Чан Кайши!..

...На следующий день Владимиров решил попытаться встретиться с Мао Цзэдуном и выяснить его отношение к обращению Чан Кайши и уже потом отправить донесение в Центр. Однако встретиться ему с Мао не удалось. Секретарь Мао Цзэдуна и он же помощник по вопросам гражданской администрации Жэнь Биши сказал, что Мао Цзэдун не может его принять.

– ...Он не здоров, товарищ Сун Пин, – пояснил Жэнь Биши. – Приходите в другой раз... Дня через два-три...

Каково же было удивление всех, когда на другой день к дому подъехала машина Мао Цзэдуна в сопровождении дюжины конных маузеристов, и из машины вышли Мао Цзэдун и Цзян Цин.

Выйдя из машины, Мао осмотрелся во дворе и что-то сказал Цзян Цин. Та кивнула головой. Затем Мао указал на вершины гор. И снова Цзян Цин кивнула.

Наблюдая за этой сценой через приоткрытое окно, Алеев сказал:

– Семейная гармония... Однако, Пётр Парфёнович, пора и вам на выход, – шутливо добавил он.

Завидев встречающего их Владимирова, Мао Цзэдун ши-

роко улыбнулся и взяв Цзян Цин под руку, сказал:

– Товарищ Сун Пин, это она уговорила меня бросить все дела и ехать к вам, да ещё по такой жаре.

Слова Мао прозвучали и как объяснение, и как предупреждение о том, что никаких деловых разговоров не будет.

Владимиров пригласил Мао и Цзян Цин пройти в дом.

Маузеристы тут же разошлись по двору и стали у двери и под окнами.

– Могу угостить вас чаем, – предложил Владимиров.

– Мне, если есть, холодный и без сахара, – попросила Цзян Цин.

– Мне тоже холодный, но с сахаром, – ответила Мао.

Осмотрел комнату, задержал взгляд на книжной полке, одобрительно хмыкнул и произнёс:

– Блаженство тела состоит в здоровье, а блаженство ума в знаниях.

Кивнул на чашку с чаем, поданную Цзян Цин, Мао чуть насмешливо добавил:

– Я и без сахара сладкий, а вот тебе не мешало бы немного сахара добавить... – И вдруг поинтересовался: – А где ваш радист Риммар?

– Дежурит у радиоприёмника, – ответил Владимиров. – Позвать?

– Нет, нет!.. Не надо, – ответил Мао. – Я знаю всех ваших товарищей... Смотрю, его нет... – И сменил тему разговора: – Я как-то раз был в этих, в горах. Есть красивые места.

Особенно на южных склонах, где много акации. Когда она цветёт, голова идёт кругом... Да! Товарищ Сун Пин, вот что у меня всё время не выходит из головы... Вы как-то назвали мне имя европейского философа Гегеля и сказали, что он критически относился к учению Конфуция. Я читал Гегеля. По его умозаключению, в учении Конфуция нет ничего, чтобы заслуживало внимание и способствовало очищению морали. Но это в корне неверно! – Мао сделал несколько глотков чая, тыльной стороной ладони вытер губы и продолжил: – Учение Конфуция – это образец мудрости, свободного от европейской метафизической мишуры. Я полагаю, вы со мной не можете не согласиться?

Вопрос был явно провокационный. Владимиров это понял сразу и потому с предельной осторожностью ответил:

– Мои познания в области учения Конфуция ограничены институтской программой, и потому я не могу, как вы, судить о его философии. Что касается Гегеля, я с вами согласен. Как философ он поступил опрометчиво, заявив, что было бы лучше, если бы Конфуция вовсе не знали в Европе.

Мао Цзэдун, не скрывая своего удивления, пристально посмотрел на Владимирова, снова хмыкнул, затем произнёс:

– Вы, товарищ Сун Пин, с первого дня пребывания в Яньани вызвали у меня и у некоторых моих товарищей уважение. – Он посмотрел на Цзян Цин, затем на Южина, Алеева и Долматова, потом снова перевёл взгляд на Владимирова и продолжил: – Однако мы с вами по-разному смотрим

на некоторые вещи. К примеру, на Гоминьдан в его нынешнем виде, который раздирается изнутри между либералами и крайними националистами. Возьмите, к примеру, обращение Чан Кайши. Надеюсь, вы уже прочитали. Это что, позиция руководителя страны, раздираемой на куски местными милитаристами и японской военщиной?? И всё же мы готовы сотрудничать даже с таким Гоминьданом, но без Чан Кайши! Вы мне можете не верить, но он выстилает прямую дорогу в Китай американцам! Но не Советскому Союзу! И если в Коминтерне этого не понимают, нам придётся самим, насколько хватит сил, доводить дело китайской революции до конца. Ну что ж... Спасибо вам за чай. Моя жена тоже готовит хороший чай, но у вас он не хуже.

Мао встал из-за стола. За ним поднялась и Цзян Цин. Она поблагодарила Долматова за чай и, уже прощаясь, сказала:

– Я приглашаю вас всех в гости. Приезжайте, когда у вас будет время...

4

Очередная сводка Совинформбюро, которую принял Риммар, не была сколько-нибудь утешительной. Бои уже шли за Воронеж.

Прочитав короткую запись в журнале, сделанную Риммаром, Владимиров обронил:

– Воронеж – это моя Родина...

В этот же день радио Токио сообщило об успешных боях японских войск в провинции Чжацзян за город Вэньчжоу.

Южин отреагировал на эту информацию с раздражением.

– Я не могу понять, почему обе армии КПК бездействуют? Складывается такое впечатление, что у них с японцами негласный договор: вы нас не трогайте – мы вас не будем трогать!.. А вот пофилософствовать они любят!.. Ты знаешь, Пётр Парфёнович, в чём суть их философии?

– Знаю, Игорь Васильевич, – ответил Владимир. – Вот только не знаю, как к этому относятся в Москве. На все наши донесения ни одного ответа...

К концу дня в доме появился Сяо Ли. Он уже стал для всех привычным гостем. Сяо Ли покрутил головой, понюхал воздух и сказал:

– А у вас варёной свининой пахнет... – И положил на стол принесённую с собой папку. – Это запись беседы председателя партии товарища Мао Цзэдуна с корреспондентом Эдгардом Сноу. Товарищ Кан Шэн поручил мне передать эту запись вам. Потом вернёте, – пояснил он и снова шумно втянул в себя воздух.

– За запись спасибо товарищу Кан Шэну, – сказал Владимир. И предложил Сяо Ли: – Может по ужинаете у нас?

– С удовольствием! – ответил тот и сел за стол рядом с Алеевым.

Долматов укоризненно посмотрел на Владимирову. Молча наложил в миску из глиняного горшка лапшу и кусочек

жирной варёной свинины.

– А вот то, что у вас есть, можно? Пол чашечки... – попросил Сяо Ли.

У Долматова от негодования даже выступили красные пятна на лбу. Такой наглости он не ожидал.

– Можно, – ответил Владимиров.

Долматов молча пошёл в кладовую и налил Сяо Ли пол чашки спирта. Предложил разбавить водой, но Сяо Ли отказался. Выпил, быстро поел и встал из-за стола.

– Спасибо, – поблагодарил он. – мне ещё надо сообщить доктору Ма Хайдэ, чтобы он сегодня зашёл к товарищу Кан Шэну...

Когда за Сяо Ли закрылась дверь, Долматов спросил:

– Это он про Ма Хайдэ проболтался, или специально сказал?

Владимиров уже и сам успел об этом подумать. И ещё подумал о том, что без согласия Мао Кан Шэн навряд ли бы передал эту папку ему.

– Не знаю, – ответил он.

– А я знаю, – сказал Южин, – Всё это вместе взятое – шантаж!

– Зачем? – поинтересовался Владимиров.

– Ну как зачем? Заставить нас всё время думать и теряться в догадках: что тут делал этот Эдгард Сноу, кто такой Ма Хайдэ?!

Владимиров уже готов был согласиться, но возразил Але-

ев, всё это время, хранивший молчание.

– Слишком примитивно для Кан Шэна, – сказал он. – Мы уже убедились: он умный игрок и нельзя его недооценивать.

– Тогда что?

Что вопрос Владимиров относился ко всем.

– А мне кажется, не стоит ломать себе голову, – заявил Долматов. – запись текста беседы Мао с Эдгардом Сноу – не столь важное событие. А по поводу Ма Хайдэ Сяо Ли мог и проговориться...

По своим комнатам в этот вечер разошлись поздно.

Владимиров до полуночи вместе с Долматовым просидел у радиоприёмника, безуспешно пытаясь найти хотя бы одну радиостанцию, которая сообщила бы о происходящем на советско-германском фронте.

...В эту ночь Владимиров так и не сомкнул глаз. В какой же раз вспомнил последнюю встречу с Марией и ребятами в аэропорту Алма-Аты. Что с ними будет, если и в самом деле всё закончиться трагедией?..

5

Тринадцатого числа Владимирову через Жэнь Биши передали, что в девять часов вечера его ждёт Мао Цзэдун.

У входной двери Владимирова встретили уже знакомые маузеристы. Один из них услужливо открыл перед Владимировым дверь и в лицо сразу пахнуло сигаретным дымом.

...Мао сидел в кресле и перебирал какие-то бумаги. Он был один. На полу вокруг валялись окурки. Завидев Владимирову тяжело встал из кресла и как медведь, в развалку, пошёл ему навстречу.

– Здравствуйте, товарищ Сун Пин!.. – сказал он, пожимая тому руку. – проходите и не обращайтесь внимания на беспорядок. Цзян в гостях у Су Фи, вернётся и сделает уборку.

Владимиров не мог не обратить внимания и на усталый вид Мао, и на какую-то надломленность в голосе.

Мао предложил Владимирову сесть в кресло и продолжил:

– Цзян все уши мне прожужжала разговорами о вас. Покорили вы её сердце, товарищ Сун Пин. – И тут же поинтересовался: – Что нового на ваших фронтах?

Владимиров коротко рассказал обо всём, что знал.

Мао Цзэдун слушал внимательно, сложив руки на груди. По его лицу Владимиров видел: многое из того, о чём говорил он, Мао знает.

Когда Владимиров закончил говорить, Мао некоторое время хмуро молчал, потом произнёс:

– Я прошу вас передать в Москву своему руководству: пусть советское правительство и товарищ Сталин не беспокоиться. Я распорядюсь отдать приказ нашим войскам быть в готовности к боевым действиям на тот случай, если японцы нападут на Советский Союз. Наши войска уже приступили к передислокации в районы, граничащие с территориями

занимаемой японцами. Так и передайте, – повторил он.

– Спасибо, товарищ Мао Цзэдун, – поблагодарил Владимир. – Я передам.

Несмотря на то, что в помещении и так было нечем дышать, Мао достал из кармана куртки помятую пачку сигарет и закурил.

– Я вот о чём хотел с вами поговорить, – продолжил он. Встал и медленно заходил по комнате. – Товарищ Димитров упрекает меня в том, что мы с Чан Кайши не стремимся к созданию единого антифашистского фронта. Я уже сказал: мы не против, но кто в Москве даст гарантию, что Чан Кайши снова не предаст нас? Я хорошо знаю этого человека. В 1925 году я работал с ним, и уже тогда я видел, какой вред он наносит нашей революции. И я не ошибался. Двумя годами позже он совершил контрреволюционный переворот, предал наших товарищей, а многих из них казнил... В том числе и мою жену... Однако в декабре 1936 года, после вторжения японцев в Китай, ради спасения нашего народа, я заставил себя забыть об этом, и мы заключили с Чан Кайши союз для совместной борьбы с японским нашествием. А что получили в результате? – Мао Цзэдун остановился посреди комнаты, бросил на пол сигаретный окурочок, достал из кармана пачку, однако тут же сунул её в карман. – Он обложил своими войсками наши советские районы с целью задушить нас... Посудите теперь сами, с кем мы имеем дело...

В это время в дверях показалась Цзян Цин и Мао Цзэдун

недовольно умолк.

Цзян Цин поздоровалась с Владимировым, потом перевела взгляд на Мао и укоризненно покачала головой.

– Как вы тут дышите!.. – сказала она. – Здесь же задохнуться можно!..

– Пойдёмте на улицу, – проговорил Мао. – Не люблю, когда женщины выражают своё недовольство... – И когда они уже вышли на площадку перед пещерой, продолжил: – На днях мы перебираемся в Цзаоюань. Настояли товарищи из политбюро. Уверяют, там безопаснее. Я ездил посмотреть. Действительно, все работы там ведут военные инженеры. Разве вам об этом никто не говорил? – вдруг спросил Мао и внимательно посмотрел на Владимирова.

– Нет, – ответил тот.

Мао Цзэдун недоверчиво хмыкнул.

– А мне казалось, уже весь Яньань знает...

...Вернувшись домой, Владимиров поделился своими соображениями от разговора с Мао Цзэдуном с Южиным, которой ещё не спал. Упомянул и о возвращении Цзян Цин от Су Фи.

– По поводу Чан Кайши, я думаю, Мао прав, – выслушав Владимирова, сказал тот. – Его можно понять... Анти-японский фронт нужен, как воздух, и в первую очередь нам. Но Мао навряд ли согласится на сотрудничество с Чан Кайши, – затем усмехнулся и продолжил. – А вот насчёт дружбы Цзян Цин с Су Фи... Тут много непонятого. Две краси-

вые женщины не дружат... Хочешь я тебе кое-что скажу? – И не дожидаясь ответа от Владимирова, продолжил: – Когда я последний раз был у Ван Мина и зашёл разговор о докторе Ма Хайдэ... Теперь он, а не Орлов будет наблюдать за состоянием здоровья Ван Мина. Так вот, Ван Мин сказал мне, что у него сложилось мнение, что доктор Ма Хайдэ и Су Фи вовсе не супруги!..

Владимира с удивлением посмотрел на Южина.

– Это уже интересно... – проговорил он. – Однако меня больше интересует, каким образом, и главное, зачем доктор Ма Хайдэ постоянно возвращается не только с партийным и советским руководством в Яньани, но и с работниками Генштаба... И ещё: куда смотрит Кан Шэн?

– Пётр Парфёнович, – прервал его Южин, – а ты никогда не задумывался над вопросом: неужели Кан Шэн не знает об этом?

– Ты хочешь сказать...

– Да, Пётр Парфёнович! – Южин утвердительно качнул головой. – Ма Хайдэ никакой не иностранный агент! Он шпионит по заданию Кан Шэна!.. Я уверен в этом на сто процентов! И ещё, обрати внимание на такой факт: кто представил Мао Цзян Цин? Кан Шэн! Кто привёз с собой из Чунцина Ма Хайдэ и Су Фи? Опять же Кан Шэн! Вот и получается, что в этой китайской опере – главный герой Кан Шэн!..

Шестнадцатого июля стало известно, что советские войска оставили Богучар и Миллерово. Воронеж ещё стоял.

В этот же день несколько зарубежных радиостанций, словно сговорившись, передали: восточный поход Гитлера близится к завершению. А диктор токийского радио с восторгом сообщил: «... Наш великий западный союзник Германия на пороге триумфа!»

– Неужели всё так плохо? – произнёс Алеев после того, как Долматов вслух зачитал сделанные им записи в журнале учёта радиопередач.

Ему ответили угрюмым молчанием. А Южин в сердцах отодвинул от себя кружку с чаем так, что она за малым не опрокинулась.

– Всё!.. Надо возвращаться домой!.. – сказал он.

– Игорь Васильевич, – прервал его Алеев, – хоть ты не травми душу... – Чему-то усмехнулся и продолжил: – Я помню, как ещё в начале 1941 года Долматов принял шифровку от «Кедра». В ней сообщалось о массовой переброске японских войск с островов в Маньчжурию и сосредоточении их вблизи советской границы. Я в этот же день встретился с Чжу Дэ и всё ему рассказал. Руководству Особого района тогда ничего не стоило передислоцировать своей дивизии на Бэйлин-Калганское и Баотоуское направления, блокировать японские войска и тем самым дать нам возможность перебросить на запад хотя бы часть наших войск. Но нам даже не ответили. А сразу после нападения Гитлера на Советский Союз с нами перестали даже общаться...

Южин молча, кивком головы. И тут же добавил:

– И даже слезку за нами установили...

– Как и сейчас, – обронил Владимиров. – И всё же, друзья, работать нам придётся здесь, несмотря ни на что. Если бы кое-кто кроме Конфуция читал Квинта Горация, то наверняка запомнил бы его предупреждение: «Когда горит дом твоего соседа, беда угрожает и тебе». Но, увы! По всей видимости, Горация тут не читали...

Глава шестая

1

Совсем неожиданно в полдень восемнадцатого числа приехал Орлов.

– Не иначе как выходной взял? – пошутил Владимиров.

– Нет, Пётр Парфёнович, выходные дни мне не светят, – ответил тот. – Нас с тобой сегодня к семи часам вечера приглашает к себе Ван Мин. Я приехал, чтобы заранее тебя предупредить...

...В семь часов вечера Владимиров с Орловым уже были у дома Ван Мина.

Встретила их супруга Ван Мина Мэн Циншу. Приветливо улыбнулась и сказала по-русски:

– Проходите, пожалуйста! Муж с минуты на минуту должен вернуться. Его срочно позвали к Кан Шэну. – провела в кабинет Ван Мина и добавила: – Если хотите, называйте меня Розой Владимировной. Так меня звали в Москве.

Обстановка в кабинете была скромной: рабочий стол, несколько жёстких стульев, диван и два стареньких кожаных кресла.

Перехватив взгляд Владимирова на обстановку Мэн Циншу слегка развела руки и сказала:

– Вот так мы и живём, однако и для себя, и друзей места

хватает...

В это время в дверях появился Ван Мин, увидел Владимирову и Орлова, обрадовался. Тепло поздоровался с ними, потом обернулся к супруге и укоризненно покачал головой.

– Что же ты гостей держишь на ногах!...

Усадил в кресла и обратился к Мэн Циншу:

– Что у нас на ужин?

– Лапша с соевым соусом и зеленью...

– А что-нибудь ещё есть?

– Есть немного...

– Давай тогда на стол и твоё немного.

Владимиров, и Орлов догадались: речь шла о спиртном.

Мэн Циншу тут же принесла с кухни и разложила по глубоким мискам лапшу, приправленное соевым соусом и зеленью. Затем поставила на стол полбутылки ханжи.

Судя по настроению Ван Мина, его встреча с Кан Шэном не омрачила его.

Владимиров это отметил сразу.

Когда уже сели за стол, Ван Мин сказал:

– Чан Кайши прислал Мао Цзэдун новое предложение провести встречу в Чунцине для возобновления переговоров...

Действительно, это было обнадеживающая новость. первая мысль, которая пришла Владимирову в голову: надо немедленно сообщить об этом в Центр. Но он тут же решил не торопиться. Главным теперь было – реакция Мао.

Наверное, об этом подумал и Орлов, потому как он сказал:

– Повод для оптимизма есть. Остаётся надеяться, что такая встреча состоится.

Однако Ван Мин отрицательно качнул головой.

– Нет, друзья мои, – усмехнувшись, произнёс он. – Мао не собирается лететь в Чунцин. У него совсем другие планы. К сожалению, – добавил он.

Супруга Ван Мина с укором посмотрела на него, заметив, как изменилось настроение у гостей.

– Ты не мог об этом рассказать после ужина? – сказала она.

Ван Мин виновато улыбнулся.

– Да, да... Видимо, я поторопился, – признался он. – Давайте сделаем по глотку этой удивительно непригодной для питья ханжи, но с надеждой на то, что разум нашего руководства возьмёт верх над недоверием. Знаете, как у нас по такому поводу говорят? «Если в сердце есть стремление, можно и камень просверлить».

После ужина Мэн Циншу разлила чай по кружкам.

– Расскажи, – обратилась она к Ван Мину, – как Мао говорил тебе в присутствии Кан Шэна, что, если японцы нападут на Советский Союз, войска Особого района не будут участвовать в больших боевых действиях, а ограничиться только мелкими операциями.

– Да, да! – часто закивал головой Ван Мин. – так и было!.. Он даже сказал, что Маньчжурия Китаю не нужна...

Было уже поздно, когда Владимиров и Орлов покидали гостеприимный дом Ван Мина.

Прощаясь, Ван Мин сказал:

– ...Я не знаю заинтересует вас это или нет. Вчера в реке нашли труп девушки, прислуги Цзян Цин. Когда та появилась в Яньани, у неё было две прислуги. Однако одна скоро исчезла, словно сквозь землю провалилась. Теперь и другой не стало...

Мэн Циншу безнадёжно махнула рукой.

– Так все и поверили, что обе бедняги пропали по своей воле, – сказала она. – Они слишком много знали о Цзян Цин ещё со времени её пребывания в Шанхае. И о её связи с Кан Шэном... Просто Цзян Цин решила закрыть последнюю страничку своей шанхайской истории.

Владимиров не удержался:

– А как же Кан Шэн? – спросил он.

Вместо Мэн Цинши ответил Ван Мин:

– Кан Шэн не по зубам Цзян Цин. Но мне кажется, придёт и его очередь...

...По дороге домой Владимиров с Орловым ещё раз обсудили новость о предложении Чан Кайши начать переговоры в Чунцине. Это, по мнению Владиминова, был лучик света в конце тёмного тоннеля и теперь всё зависело от Мао Цзэдуна. О том, насколько это важно для Москвы, особенно сейчас, Мао не мог не понимать.

– ...Его надо каким-то образом подтолкнуть к перегово-

рам, – я сказал Владимиров, когда они уже подъезжали к дому.

– И как ты себе это представляешь? – спросил Орлов. И вдруг оживился. – Есть у меня одна мысль... – сказал он. – Но я человек суеверный... Поэтому говорить заранее не буду...

2

За два с половиной месяца пребывания в Яньани у Орлова, наконец, выдался первый свободный от операции день, и он с утра приехал к Владимирову.

– О моей работе ни слова... – предупредил он. – Буду всех вас слушать и молчать!..

– И даже, если разговор пойдёт о Мао? – насмешливо спросил Алеев.

Орлов сразу насторожился.

– А что?.. Что что-то произошло? – обратился он к Владимирову.

– Произошло, Андрей Яковлевич, – ответил тот. – Мао отказался, как и говорил Ван Мин, лететь в Чунцин на встречу с Чан Кайши.

Орлова не удивила это новость. Хмыкнул и проговорил:

– Ещё в академии мне как-то в руки попала интересная книга по античной истории. Много из того, что я в ней прочитал позабылось, но вот, что запомнилось: правитель древ-

него Коринфа Периандр, обращаясь к своим чиновникам сказал: «...Кто хочет править спокойно, должен оградить себя не копьями, а любовью». Казалось, чего проще, а? – и Орлов обвёл всех вопрошающим взглядом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.